

СМЕРТЬ ПРЯЧУТ В ЛЕСУ

К. L. Nord

18+

K.L. Nord

Смерть прячут в лесу

«Автор»

2026

Nord K.

Смерть прячут в лесу / К. Nord — «Автор», 2026

Найти мужчину без памяти. Отмыть, научить колоть дрова, случайно обнаружить в нем скрытые таланты к некромантии. Бытовой план Ягини пошел прахом, когда ее «пациент» начал инстинктивно высасывать жизнь из врагов на поле боя. Теперь они вне закона. Люди хотят их сжечь, местная нечисть в ужасе прячется, а снег выпадает задолго до срока. И тот, кто идет по их следу по этому снегу, не берет пленных.

Содержание

Глава 1. Ржавое железо и пустые глаза	5
Глава 2. Волчья сыть	12
Глава 3. Мертвая тишина и живая кровь	19
Глава 4. Щепки и подзатыльники	28
Глава 5. Живая мишень	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

К.Л. Nord

Смерть прячут в лесу

Глава 1. Ржавое железо и пустые глаза

Запах гниющей тины, прелых водорослей и застоявшейся воды всегда казался Ягине самым честным запахом на свете. Он не пытался притворяться чем-то благородным, как ладан в человеческих храмах, или сладким, как розовое масло, которым натирались столичные княжны. Болото пахло жизнью, переходящей в смерть, и смертью, питающей новую жизнь. Идеальный, непрерывный цикл.

Ягиня сидела на замшелом поваленном стволе дуба, склонившись над Милой. Русалка вылезла наполовину из воды и судорожно цеплялась бледными, полупрозрачными пальцами за колено знахарки. Ее мокрые волосы, цвета потемневшей меди, липли к лицу, а синюшные губы кривились в беззвучном шипении.

— Держи ее крепче, Бор, — бросила Ягиня, не отрывая взгляда от уродливой рваной раны на предплечье русалки.

Старый леший, сидевший на корточках с другой стороны, крикнул, выпустил изо рта густое облако едкого дыма — он курил какую-то дрянь, состоящую наполовину из сухого мха, наполовину из ядовитых грибов — и навалился всем своим узловатым, похожим на корягу весом на плечи Милы.

— Людишки совсем страх потеряли, — проворчал Бор скрипучим, как трение двух сухих веток, голосом. — Раньше сети плели из пеньки, а теперь крючья железные на цепях в омуты кидают. Дно травят. Железо. Мертвый металл. Тьфу.

Ягиня пропустила его ворчание мимо ушей. Ее смуглые, оливкового оттенка пальцы, на которых ярко выделялись неровные белые пятна — метка Велеса, лишившая ее пигмента, но давшая нечто куда более важное, — крепко сжимали железные щипцы. Из плеча Милы торчал зазубренный, покрытый бурой ржавчиной крюк. Он глубоко вошел в бледную, холодную плоть, зацепившись за кость.

— Будет больно, Мила, — спокойно предупредила Ягиня. В ее голосе не было ни капли жалости, только сухой, врачебный прагматизм. — Если дернешься — разорву мышцу, и рука отсохнет. Поняла?

Русалка замотала головой, ее огромные, как у утопленницы, глаза расширились от ужаса, но она сцепила зубы.

Ягиня не стала медлить. Она резко, с выверенной жестокостью опытного костоправа, провернула щипцы, меняя угол крюка, и рванула на себя. Хрустнуло. Мила взвизгнула так пронзительно, что с ближайших сосен с шумом сорвалась стая ворон. На мох брызнула темная, густая, почти черная кровь нежити.

Крюк со звоном полетел в заросли камыша.

Ягиня тут же прижала к ране ком из пережеванного тысячелистника и болотного мха, щедро пропитанный ее собственной слюной, в которой магии было больше, чем во всех столичных зельях вместе взятых. Она начала туго перематывать плечо русалки чистой льняной тряпичей.

— Всё. Жить будешь. Железо не отравило кровь, — Ягиня вытерла испачканные руки о свой плотный шерстяной подол. Она усмехнулась, глядя, как Мила со слезами на глазах сползает обратно в темную воду. — И перестань таскать рыбацкие лодки на дно, дура. Сама напросилась.

— Они первые начали петь эти свои идиотские песни про брошенных дев, — булькнула Мила, погружаясь по подбородок. — У меня, между прочим, травма.

Ягиня только покачала головой, собирая свои инструменты в кожаную суму. Лес вокруг дышал покоем, но это был покой обманчивый. Напряжение, висевшее в воздухе с самого утра, начало сгущаться, покаявая кожу на затылке Ягини. Метка Велеса на ее руках слегка зазудела.

Она выпрямилась. Свободная, уверенная поза хозяйки, которая знает каждый корень под своими ногами. В свои неполные двадцать пять она выглядела старше из-за тяжелого, пронизывающего взгляда серых глаз и этих контрастных белых пятен, ползущих по шее и рукам, словно кто-то плеснул на нее молоком.

— Бор, — тихо сказала она. Леший тут же перестал дымить и слился с тенью дуба.

Спустя удар сердца кусты бересклета с треском раздвинулись.

Лязг кольчуг, скрип кожаных ремней, тяжелое дыхание лошадей. На поляну у омута выехал десяток ратников. В их центре, на крупном гнедом жеребце, сидел Добрыня — воевода Светлоярского княжества. Суровый, покрытый шрамами мужик с седеющей бородой, чья жизнь состояла из войн, крови и приказов.

Оружие ратников оставалось в ножнах, но их руки лежали на рукоятях. Они нервничали. Лошади всхрапывали, чуя запах нежити и древней магии, пропитавший эту землю.

Ягиня не сдвинулась с места. Она не опустила голову, не поклонилась. Она стояла у края черной воды, спокойно глядя на воеводу. В ее мире, в ее лесу, законы человеческих князей не имели силы. Здесь она была властью.

— Далеко забрели, воевода, — ее голос, глубокий и чуть хриловатый, легко перекрыл нервное храпение коней. — Торговый тракт в трех верстах восточнее. Здесь ломают ноги и теряют души.

Добрыня спешил. Он был высоким и широким в плечах, но, подойдя ближе, почему-то не казался больше этой стройной женщины. Он остановился в пяти шагах от нее, как перед невидимой чертой.

— Мне не нужны твои загадки, Ягиня, — голос Добрыни был грубым, но в нем не было привычной для него начальственной стали. Там была скрытая, загнанная в угол паника. — Я пришел не воевать. Князь Радомир требует тебя в Светлояр.

Ягиня чуть склонила голову набок. Слово «требует» резануло слух.

— Требует? — она усмехнулась, и эта усмешка была острее ножа. — Пусть требует дань с Чернолесья, Добрыня. А в моем лесу он может только просить. И то, если я буду в настроении слушать.

Один из молодых ратников за спиной воеводы дернулся, рука инстинктивно сжала рукоять меча.

— Ведьма... — процедил он сквозь зубы.

Глаза Ягини потемнели. Лес вокруг ответил на ее гнев мгновенно. Вода в омуте за спиной знахарки пошла черными пузырями, а ветви старых дубов скрипнули, клонясь ниже, словно готовясь сомкнуться над отрядом. Температура воздуха упала так резко, что изо рта повалил густой пар.

Добрыня, прошедший десятки битв, побледнел. Он резко обернулся и глянул на парня зло и холодно, будто тот разом нарушил все мыслие законы и мира живых, и мира мертвых.

— Заткнись, щенок, — прорычал воевода. Затем он снова повернулся к Ягине. Спесь слетела с него окончательно. Он снял шлем, обнажая потную, лысеющую голову.

— Прости его. Они молодые, глупые. Боятся того, чего не понимают, — Добрыня тяжело сглотнул. Он опустил глаза, и это был жест невероятного смирения для человека его статуса. — Прошу тебя, Ягиня. Наследник... Всеслав умирает. Волхвы столичные третьи сутки вокруг него с бубнами скачут, а толку ноль. Он горит. Кровь чернеет. Радомир в отчаянии. Если мальчишка умрет... Вратко из Чернолесья только этого и ждет. Княжество погрязнет в крови.

Ягиня молчала, изучая лицо воеводы. Она не испытывала сострадания к человеческой политике. Если Светлояр падет, лес просто поглотит его руины. Но Всеслав... она помнила этого мальчишку. Год назад он тайком прибежал на опушку и оставлял ей блюдечко с медом, думая, что она злой дух, которого нужно задобрить. У него были смешные оттопыренные уши.

Она глубоко вздохнула, гася магию. Ветки перестали скрипеть, вода в омуте успокоилась.

— Подгоняй телегу, Добрыня, — сухо сказала она, закидывая суму на плечо. — На лошади я не поеду, мне еще травы по дороге собрать нужно. И скажи своим псам, чтобы не смели ломать ветки. Иначе из леса выйдете пешком и без глаз.

Терем Радомира вонял. Это не был запах навоза или пота — к этому Ягиня привыкла. Терем вонял человеческим страхом, спертым воздухом и дешевым ладаном, которым пытались заглушить сладковатый, тошнотворный душок приближающейся смерти.

Когда она вошла в покои наследника в сопровождении Добрыни, там стоял гвалт. Трое старцев в расшитых золотом рясах читали нараспев молитвы светлым богам, жгли травы и махали какими-то амулетами над кроватью, где метался в бреду десятилетний Всеслав. Князь Радомир сидел в углу, ссутулившись, вцепившись пальцами в седеющие волосы.

Ягиня остановилась на пороге. Она окинула взглядом комнату, и ее ноздри хищно раздулись.

— Пошли вон, — ее голос прозвучал негромко, но в нем была такая первобытная, тяжелая сила, что песнопения разом смолкли.

Старшие волхвы возмущенно обернулись.

— Как ты смеешь, лесная девка! — взвизгнул один из них, потрясая амулетом Перуна. — Мы очищаем ауру княжича от злых духов, мы...

Ягиня не стала спорить. Она просто шагнула вперед, схватила старца за грудки его роскошной рясы и швырнула в коридор с силой, которой в ее тонких руках быть не могло. Двое других, побледнев, выскочили сами, бормоча проклятия.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Радомир поднялся. Его лицо было серым, глаза ввалились.

— Помоги ему, Ягиня, — голос князя дрожал. — Проси что хочешь. Любое золото, любые земли...

— Оставь свое золото для наемников, князь, — бросила она, подходя к кровати.

Мальчик был плох. Его кожа стала пепельной, покрылась липким, холодным потом. На шее вздулись черные вены, пульсирующие в бешеном ритме. Это была не обычная лихорадка. Это была порча. Мертвая магия, пущенная кем-то очень сильным. Вероятно, из Чернолесья.

Ягиня скинула свой плащ. Она достала из сумы пучок сушеного чертополоха, корень мандрагоры и маленькую глиняную пиалу.

Обычные травы здесь не помогут. Болезнь уже сожрала жизненную силу ребенка. Ему нужен был концентрат жизни, дикой, первозданной энергии, чтобы вытолкнуть смерть из вен.

Она достала свой ритуальный нож — кривое лезвие, выкованное из земляного железа, что долгие века хранилось в глубине леса. Не колеблясь ни секунды, Ягиня полоснула им по своему запястью, прямо по белому пятну метки Велеса.

Князь ахнул, подавшись вперед, но Добрыня удержал его за плечо.

Ягиня сжала кулак. Алая, густая кровь, несущая в себе силу Велеса и мощь Дремучего Леса, полилась в глиняную пиалу. Она добавила туда растертые травы, шепча слова на старом, забытом людьми языке — языке корней, земли и гнили, которая рождает жизнь. Ее кровь зашипела, вступая в реакцию с мандрагорой, смесь почернела и начала источать резкий запах озона.

— Держите его, — приказала она.

Радомир и Добрыня прижали бьющегося в конвульсиях мальчика к кровати. Ягиня разжала его посиневшие губы и влила обжигающую, горькую смесь ему в горло.

Всеслав выгнулся дугой, его глаза закатились, а изо рта вырвался хриплый, нечеловеческий крик. Черные вены на его шее вздулись до предела, казалось, они сейчас лопнут. Ягиня положила окровавленную ладонь ему на грудь, прямо на сердце, силой своей воли вдавливая жизнь в его угасающее тело.

Она чувствовала, как мертвая магия сопротивляется, как холод пытается перекинуться на нее, заморозить ее собственное сердце. Она стиснула зубы, ее глаза почернели, а из носа потекла тонкая струйка крови.

— Живи, — прорычала она, вливая в приказ всю свою ярость.

И холод отступил. Со звонким хрустом невидимая корка порчи сломалась.

Мальчик обмяк. Его дыхание, секунду назад прерывистое и хриплое, выровнялось. Чернота начала уходить из вен, сменяясь нормальным, здоровым румянцем.

Ягиня тяжело осела на стул рядом с кроватью. Ее била крупная дрожь истощения. Она наспех перетянула порезанное запястье тряпкой. Магия всегда требовала плату, и сейчас эта плата взималась ее физической слабостью.

Радомир упал на колени перед кроватью, утыкаясь лицом в одеяло сына. Он плакал беззвучно, вздрагивая всем телом.

— Мой долг перед тобой... — глухо произнес князь минут через десять, когда смог взять себя в руки. Он посмотрел на Ягиню снизу вверх. — Мой долг не измерить золотом. Проси что хочешь. Мой терем — твой дом.

— Мне не нужен твой терем, — устало отмахнулась Ягиня, вытирая кровь с лица. — Пришлите мне телегу зерна и две дюжины хороших льняных рулонов к опушке. И чтобы ни один твой охотник не совался за реку до следующей весны. Этого хватит.

Она встала, намереваясь уйти. Ей нужно было в лес. Ей нужно было прижаться спиной к старому дубу и восстановить силы.

— Постой, — Радомир поднялся. В его глазах появилась нерешительность. — Раз уж ты здесь... У меня есть к тебе еще одна просьба. Не как к спасительнице, а как к... знающей.

Ягиня остановилась, вопросительно выгнув бровь.

— Три дня назад мои дозорные на восточной границе, у ничейных топей, взяли человека, — князь поморщился, словно подбирая слова. — Вернее, они думают, что это человек. Он не говорит. Не понимает речи. Он дикий, как зверь. Когда его вязали, он голыми руками, без оружия, переломал ключицы и запястья троим моим лучшим десятникам. Он не чувствует боли. Мы бросили его в нижние ямы, но... он пугает стражу. Волхвы говорят, что в него вселился бес, и требуют сжечь. Но прежде чем я отдам приказ, я хочу, чтобы ты на него посмотрела. Вдруг это какая-то лесная тварь, которая заразит мне весь город, если ее неправильно убить?

Ягиня нахмурилась. Зверь, не чувствующий боли и ломающий кости голыми руками? В лесу таких не водилось. Обратни всегда были в сознании, а упыри воняли так, что дозорные не стали бы их вязать, а просто сожгли бы на месте.

— Веди, — коротко бросила она. Усталость отступила на задний план, уступив место холодному, профессиональному любопытству.

Путь в нижние ямы терема лежал через длинные, сырые коридоры, освещенные редкими, коптящими факелами. Здесь пахло заплесневелым камнем, крысиным дерьмом и отчаянием сотен людей, сгнивших в этих стенах.

Ягиня шла за князем и Добрыней, чувствуя, как с каждой ступенью вниз воздух становится всё плотнее, всё тяжелее. Но это была не тяжесть сперттого воздуха. Это была аура. Что-то, исходящее из самой глубины подземелья, резонировало с ее лесной магией, вызывая тошнотворное чувство неправильности. Словно она спускалась в могилу, где кто-то очень не хотел лежать спокойно.

Они остановились перед тяжелой, окованной железом дверью в самом конце коридора. Двое стражников, стоявшие по бокам, выглядели откровенно напуганными. Они то и дело косились на маленькое зарешеченное оконце в двери.

— Он там, — тихо сказал Добрыня. — Осторожнее, Ягиня. Мы заковали его в кандалы, но он... он странный.

Ягиня не стала заглядывать в оконце. Она просто отодвинула стражника в сторону и с лязгом отодвинула тяжелый засов. Дверь со скрипом отворилась.

В камере было темно. Единственный источник света — факел из коридора — выхватывал из мрака кусок грязного соломенного матраса и каменную стену.

Сначала она услышала звук. Тихий, ритмичный шорох цепей.

Она перешагнула порог. Темнота подземелья не была для нее помехой, глаза, привыкшие к ночному лесу, быстро адаптировались.

Он сидел в самом дальнем углу, вжавшись спиной в стылый камень. Мужчина. Худой, болезненно бледный, с растрепанными, грязными темными волосами, падающими на лицо. На нем были лишь изодранные штаны из грубой ткани. Его руки и ноги были скованы массивными железными кандалами, цепи от которых крепились к кольцу в стене.

Ягиня сделала шаг вперед.

Реакция была мгновенной и абсолютно бесшумной. Никакого рычания, никакого предупреждения.

Пленник рванулся с места с нечеловеческой скоростью. Цепи натянулись до предела со звонким лязгом. Он выбросил руки вперед, пытаясь накинуть звенья цепи между кандалами ей на шею. Это был бросок идеального хищника — точный, смертоносный, лишенный эмоций.

Князь в коридоре вскрикнул, стражники дернулись за мечами.

Но Ягиня не была испуганной столичной девкой. Инстинкты, вбитые в нее Навью и диким лесом, сработали быстрее мысли. Она не стала отступать. Вместо этого нырнула под натянутую цепь, сокращая дистанцию до минимума.

В нос ударил его запах. Не пот, не грязь подземелья. Он пах озоном, морозным льдом и... ничем. Абсолютной, стерильной пустотой.

Она ударила основанием ладони снизу вверх, точно в нервный узел под его подбородком, одновременно подсекая его правую ногу. Сила удара была подкреплена магией земли.

Пленник рухнул на каменный пол с тяжелым стуком, но даже не охнул. Он тут же попытался перекатиться и ударить ее скованными ногами, но Ягиня уже была на нем. Она придала его грудь коленом, а левой рукой, сверкнувшей белыми пятнами Велеса, мертвой хваткой вцепилась ему в горло, прижимая затылок к камню.

— Лежать, — выдохнула она прямо ему в лицо.

Он замер. Не потому, что испугался. Не потому, что ему не хватало воздуха — казалось, он вообще не дышал. Он замер, потому что оценивал ее силу, как механизм, столкнувшийся с непреодолимым препятствием.

Ягиня смотрела на него сверху вниз. Их лица были так близко, что она чувствовала холод, исходящий от его кожи.

Она всмотрелась в его глаза. И внутри у нее всё оборвалось.

Она ожидала увидеть там безумие дикаря. Ярость загнанного зверя. Боль от побоев стражи. Человеческий страх. Но там не было ничего.

Его глаза, темные, почти черные в полумраке, были похожи на два бездонных колодца. В них не было души. Не было памяти, не было прошлого, не было даже осознания себя. Это была идеальная, звенящая пустота. Вакуум.

Но на самом дне этой пустоты, запертая глубоко внутри, спала Тьма. Древняя, тяжелая и смертоносная. Ягиня почувствовала это так же ясно, как чувствовала приближение грозы.

Этот мужчина не был человеком. Он был сосудом. Оружием, из которого кто-то вытряхнул всё содержимое и бросил в лесу.

Дрожь пробежала по позвоночнику Ягини. Не от страха. От странного, извращенного узнавания. Она, помеченная богом полукровка, стояла на коленях на груди существа, которое было еще большей аномалией для этого мира, чем она сама.

Пленник смотрел на нее не моргая. Его грудь под ее коленом была твердой как камень, но сердцебиение... оно было медленным. Слишком медленным. Раз в десять секунд.

Внезапно его правая рука, закованная в железо, медленно поднялась. Ягиня напряглась, готовая сломать ему кадык, если он попытается ударить. Но он не ударил.

Его грязные, избитые в кровь пальцы неуверенно, почти слепо потянулись к ее лицу. Он коснулся белого пятна на ее щеке. Прикосновение было ледяным, обжигающим.

Его брови чуть сошлись на переносице. В пустых глазах мелькнула тень — не мысль, а словно отголосок какого-то сбоя в системе.

— Тепло, — звук его голоса был похож на скрежет камня о камень. Сухой, надтреснутый, словно он не говорил столетиями.

Это было единственное слово. Он произнес его не как мольбу, а как констатацию факта, который его озадачил. Он не чувствовал боли от ее стальной хватки на своем горле, он не понимал, где он. Он просто зафиксировал тот факт, что от нее исходит жизнь.

Ягиня судорожно выдохнула, не отрывая взгляда от его глаз. Она чувствовала, как волоски на ее руках встают дыбом. Энергия Нави, спящая в ней, тянулась к этому куску льда под ней, желая согреть, желая заполнить эту звенящую пустоту.

Она резко отдернула руку от его горла и поднялась на ноги, отступая на шаг. Пленник не шелохнулся, так и оставшись лежать на холодном полу, провожая ее немигающим взглядом.

Князь Радомир и Добрыня стояли в дверях с обнаженными мечами, бледные как мел.

— Ты жива? — выдохнул князь, опуская меч. — Мы думали, он свернул тебе шею... Что это за тварь, Ягиня? Бес?

Ягиня повернулась к ним. Ее лицо было непроницаемым, но внутри бушевала буря. Она знала одно: если оставить этого... кем бы он ни был... здесь, люди рано или поздно спровоцируют его. И когда эта пустота решит заполниться кровью, от Светлояра останутся только угли. Но еще она знала, что не может позволить им его сжечь. Что-то в его пустом взгляде зацепило ее заживое.

— Это не бес, Радомир, — ее голос был ровным, лишенным эмоций. — У него в башке пустота. Ни памяти, ни ума. Обычный калека, которому кто-то отшиб память и разум до животного состояния. Животное, зажатое в угол, всегда бросается.

— Животное? — недоверчиво фыркнул Добрыня. — Он переломал руки троим моим...

— Я забираю его, — перебила его Ягиня. Она сказала это тоном, не терпящим возражений.

Радомир опешил.

— Забираешь? Зачем тебе в лесу этот умалишенный? Он опасен!

— Затем, князь, что у меня прохудилась крыша, а колоть дрова некому, — Ягиня холодно усмехнулась, скрестив руки на груди. — Ты сам сказал, что твой долг не измерить золотом и просил назвать цену за жизнь твоего наследника. Моя цена — этот дикарь. Я заберу его в болота. Лесные травы и тяжелая работа вправят ему мозги, если они там еще остались. А если он попытается буяннить... поверь, Добрыня, в моем лесу есть твари страшнее, чем он, чтобы укоротить ему руки.

Князь и воевода переглянулись. Отдавать опасного пленника лесной ведьме было безумием, но спорить с Ягиней после того, как она вытащила Всеслава с того света, Радомир не посмел.

— Твоя воля, — сдался князь, пряча меч в ножны. — Но если он сбежит и кого-то убьет — кровь будет на твоих руках. Добрыня, прикажи снять его с цепи и связать руки.

— Не нужно, — бросила Ягиня. Она снова повернулась к пленнику, который всё так же лежал на полу, глядя на нее.

Она подошла к нему, достала из кармана тяжелый ключ, который выудила у стражника на входе, и наклонилась, отпирая замки на его руках и ногах. Железо с лязгом упало на камень.

Пленник медленно, как сломанная кукла, сел, потирая запястья, стертые до кости. Он не смотрел на открытую дверь, не смотрел на стражу. Он смотрел только на Ягиню.

Она протянула ему руку, испещренную белыми пятнами.

— Вставай, безымянный, — тихо сказала она. — Ты идешь со мной.

Он смотрел на ее руку долгую секунду. А затем его грязные, холодные пальцы обхватили ее запястье. Его хватка была слабой, неуверенной, но в тот момент, когда их кожа соприкоснулась, Ягиня почувствовала, как между ними натянулась невидимая, тонкая струна.

Она не знала, кого именно забирает из этой грязи, но почему-то была уверена, что ее спокойная лесная жизнь только что закончилась навсегда. И, глядя в эту пустоту его глаз, она поймала себя на сумасшедшей мысли, что впервые в жизни ей хочется узнать, что скрывается на дне чужой бездны.

Глава 2. Волчья сыть

Телега подпрыгнула на очередной глубокой колее, и Ягиня глухо застонала сквозь стиснутые зубы, когда острая боль стрельнула от перевязанного запястья к самому плечу. Деревянные колеса, не знавшие смазки, скрипели так протяжно и жалобно, словно это они, а не старый мерин по кличке Серко, тащили на себе всю тяжесть этого бесконечного, проклятого дня.

Они покинули Светлояр за час до заката. Город выплюнул их из своих ворот, как нечто чужеродное, от чего стражникам хотелось поскорее избавиться. Ягиня чувствовала на своей спине их колючие, суеверные взгляды. Они крестились ей вслед, пряча глаза, когда она поворачивала голову. Для них Ягиня была лесной ведьмой, полукровкой с уродливыми белыми пятнами на коже, чье присутствие терпели лишь потому, что ее магия оказалась сильнее молитв их столичных жрецов.

Ягиня криво усмехнулась, сплевывая горькую слюну на обочину тракта. Люди всегда были одинаковы. Они готовы целовать тебе ноги, когда смерть стоит у изголовья их детей, и готовы швырнуть в спину камень, как только дыхание больного выровняется. Она знала это с тех самых пор, как впервые осознала, почему ее кожа теряет цвет, почему лешие не трогают ее в чащобе и почему матери в деревнях прячут младенцев, когда она проходит мимо.

Она перевела взгляд на свои руки, сжимающие потертые кожаные вожжи. Левое запястье, туго замотанное чистой, но уже пропитавшейся бурым льняной тряпицей, пульсировало в такт ударам сердца. Ритуал крови забрал у нее слишком много. Одно дело — залечить рану русалке, втерев тысячелистник в порванную мышцу, и совсем другое — вытаскивать с того света человеческого детеныша, чьи вены уже начали гнить от черной порчи. Магия Велеса, дикая и первородная, требовала равноценного обмена. Она отдала часть своей жизненной силы, чтобы запустить остановившийся маятник Всеслава, и теперь ее собственное тело расплачивалось за это дрожью в коленях, тошнотой и холодной испариной, покрывшей лоб. Ей было холодно, несмотря на плотный шерстяной плащ. Внутренний холод, выстушающий кости, — верный признак магического истощения.

Ягиня натянула вожжи, заставляя Серко замедлить и без того неспешный шаг, и обернулась.

Он шел в трех шагах позади телеги.

Толстая пеньковая веревка, привязанная к задней оси, натягивалась и провисала в ритме его шагов. Добрыня, воевода Светлояра, не рискнул отпустить его без пут, даже несмотря на уверения Ягини. Руки пленника были стянуты за спиной сыромятным ремнем, жестким и беспощадным.

Ягиня всмотрелась в него, прищулив серые глаза от бьющего в лицо низкого, закатного солнца.

Безымянный настолько был тощ, бледен и угловат, что в голове всплывали только образы кости старого оленя, которая валялась на обочине, обглоданная дикими собаками. Он шел босиком по раскисшей, холодной осенней грязи тракта, но ни разу не оступился. Его походка была неправильной. Человек со связанными за спиной руками инстинктивно компенсирует потерю баланса: наклоняется вперед, широко расставляет ноги, дергает плечами, пытаясь удерживать равновесие на ухабах. А этот не делал ничего.

Он шел с абсолютно прямой спиной, его движения были текучими, пугающе плавными, без лишней траты энергии. Словно гравитация и неровности почвы не имели для него никакого значения. Его босые ноги ступали в ледяную грязь беззвучно, не чавкая, не оставляя глубоких следов. Грязь, налипшая на его изодранные порты, казалась чем-то инородным на его бледной, как свежевывающий снег, коже. Темные, спутавшиеся пряди волос скрывали лицо, опущенное вниз.

Он не пытался вырваться. Не пытался ослабить ремни на запястьях. Не жаловался на холодный ветер, пронизывающий до костей. Он просто шел за телегой, как привязанный к ней механизм, лишенный собственной воли.

Но Ягиня знала, что эта покорность — иллюзия. Она помнила, с какой сверхъестественной скоростью он рванулся к ней в подземелье, помнила ледяной холод его кожи и эту звенящую, абсолютную пустоту в его черных глазах. Пустоту, на дне которой спала Тьма.

«Зачем я его взяла?» — этот вопрос пульсировал в ее висках в такт боли в запястье.

Жалость? Ягиня не умела жалеть. Лес быстро выжигает это чувство, заменяя его холодным расчетом и пониманием пищевой цепи. Любопытство? Да, возможно. Ее тянуло к нему, как тянет исследователя к смертельно опасному яду, природу которого он хочет понять. Но было и нечто иное. Там, в камере, когда его ледяные пальцы коснулись ее щеки, она почувствовала отклик. Ее собственная магия, обычно замкнутая на самой себе, вдруг потянулась к нему, как вода тянется к высохшему руслу. Он был пустым сосудом, а природа, как известно, не терпит пустоты.

— Эй, — хрипло окликнула она его, нарушая скрип колес.

Безымянный не поднял головы. Он даже не сбавил шаг. Лишь его правое плечо едва заметно дернулось, показывая, что звук достиг его слуха.

— Ты знаешь, куда мы идем? — спросила она, скорее чтобы проверить его реакции, чем надеясь на ответ.

Ответом ей было лишь мерное хлопанье грязи.

Ягиня отвернулась. Разговаривать с ним сейчас было так же бессмысленно, как разговаривать с камнем. Ему нужно время. Ему нужна тишина леса. Если в этой пустой голове еще остались какие-то осколки памяти или личности, дремучая магия вытянет их на поверхность. Если нет, что ж, он и правда будет колоть дрова. Физической силы в нем было достаточно, чтобы заменить десяток батраков.

Они свернули с развезженного тракта на узкую, едва приметную лесную дорогу.

Здесь начиналась ее территория. Дремучий Лес не просто стоял стеной деревьев — он дышал, он наблюдал. Как только колеса телеги съехали с утопанной человеческой земли на мягкий, пружинящий ковер из прелой хвои и мха, звуки мира изменились. Стих гул ветра в открытом поле, пропал далекий собачий лай из приграничных деревень. Лес сомкнулся над ними плотным, тяжелым куполом из переплетенных ветвей вековых елей и дубов, отсекая последние лучи умирающего солнца.

Наступил тот странный, серый час между днем и ночью, когда тени становятся длинными и хищными, а очертания предметов теряют свою определенность. В воздухе пахло сыростью, грибницей и горькой корой.

Серко фыркнул, прядая ушами, и ускорил шаг. Старый конь знал эту дорогу уже давно — Ягиня часто брала его в Светлояре, а после у своего дома отправляла животное назад к конюшне князя. Серко за все время их знакомства уже стал чуть ли не полноправным жителем леса. И поэтому он знал, что в этот час лучше не задерживаться на открытых участках.

Ягиня поехала, плотнее укутываясь в плащ. Холод внутри нее нарастал. Обычно лес питал ее, отдавая часть своей первозданной силы, как только она пересекала невидимую границу. Но сегодня всё было иначе. Из-за магического истощения ее каналы были закрыты, сжаты в тугую, болезненный комок. Она чувствовала себя не хозяйкой этих мест, а слепым котенком, брошенным в чашу.

И еще этот запах.

Ягиня принюхалась. Ее обоняние, обостренное лесной жизнью, уловило резкий, металлический душок. Она подняла левую руку к лицу. Повязка. Кровь на ней уже запеклась, но запах никуда не делся. Магическая кровь, насыщенная силой Велеса и отданная в ритуале, пахла иначе, чем обычная. Она пахла как раскрытая вена самого мира. Она фонила энергией.

И для любого хищника в радиусе пяти верст этот запах был не просто сигналом к обеду, он был призывом, обещанием невероятной силы, которую можно сожрать вместе с плотью.

«Дрянь», — выругалась про себя Ягиня, понимая свою оплошность. Ей нужно было сжечь эту тряпку и промыть рану болотной водой еще до того, как они свернули в лес. Но усталость притупила ее инстинкты.

Она потянулась к поясу, нащупывая рукоять своего серпа — тяжелого, изогнутого лезвия, которым она срезала не только травы, но и глотки тем, кто приходил в ее лес с дурными намерениями. Серп был на месте, но уверенности это не прибавило. Магии в ней сейчас не хватило бы даже на то, чтобы зажечь искру на конце пальца. Если что-то придет из темноты, ей придется полагаться только на мышцы, а они дрожали от слабости.

Ягиня снова оглянулась на Безымянного.

Он изменился. Точнее, изменилась его поза. Он больше не смотрел под ноги. Его голова была поднята, а черные, пустые глаза неотрывно смотрели в густые заросли папоротника по правую сторону от дороги. Он не сбавлял шага, веревка всё так же мерно натягивалась, но его тело подобралось. Оно стало похоже на натянутую тетиву.

Ягиня проследила за его взглядом, но увидела лишь сгущающиеся сумерки и черные стволы сосен.

— Что ты там увидел? — напряженно спросила она, непроизвольно сжимая пальцы на рукояти серпа.

Ее странный попутчик не ответил, но его ноздри чуть расширились, втягивая воздух. Он не боялся. В его позе не было инстинктивного желания сжаться, защититься, которое свойственно любому человеку, почуявшему опасность в темном лесу. В его позе была лишь холодная, машинная готовность. Оценка расстояния. Вычисление траекторий.

В этот момент Серко остановился так резко, что Ягиня едва не слетела с облучка.

Старый мерин всхрапнул, попятился, едва не сломав оглобли, и затряс головой. Его глаза налились кровью от животного, неконтролируемого ужаса. Он ударил копытом землю, пытаясь развернуться, но телега не пускала.

— Тпру, Серко, стой! — крикнула Ягиня, спрыгивая на землю. Ее ноги скользнули по влажному мху. Боль в запястье вспыхнула с новой силой.

Конь не слушал. Он заржал — высоко, тонко, истерично — и рванулся вперед, ломая сухие ветки под колесами.

И тогда лес вокруг них взорвался движением.

Они не вышли на дорогу. Они вылились из кустов, как серая, лохматая вода. Это не были обычные лесные волки. Дремучий Лес на границе с Навью искажал всё живое. Эти твари были размером с хорошего теленка, их шерсть стояла дыбом, скатавшаяся в грязные колтуны, а из пастей капала густая, желтоватая слюна. Голодные. Сведенные с ума запахом магической крови Ягини. Их было пятеро. Желтые, горящие фосфорным светом глаза смотрели на нее не с животной тупостью, а с хищной, извращенной злобой.

Запах мокрой псины, гниющего мяса и мускуса ударил Ягине в нос, перебивая даже запах хвои.

Один из волков, самый крупный, с порванным ухом и седой мордой, шагнул на дорогу в десяти шагах впереди телеги, отрезая путь. Он глухо зарычал, опуская голову к земле. Остальные четыре твари начали медленно, бесшумно брать их в кольцо, скользя между деревьями.

Серко завизжал, встав на дыбы. Оглобли с оглушительным треском переломились. Освободившийся конь метнулся в чашу, обезумев от страха. Двое волков, словно только этого и ждали, бесшумными тенями метнулись за ним. Вскоре из темноты донесся тяжелый удар падающего тела и предсмертный конский хрип.

Их осталось трое. Вожак впереди, и двое по бокам. Они не смотрели на Безымянного. Они даже не воспринимали его как живое существо. Для них он не пах ни кровью, ни страхом.

Он пах пустотой. Все их желтые глаза были устремлены только на Ягиню, на ее перевязанную руку, от которой исходил одуряющий аромат жизни.

«Вот и конец», — пронеслась в голове Ягини кристально ясная, ледяная мысль.

В ней не было паники. Паника — удел тех, кто живет в городах за высокими стенами и верит, что смерть можно уговорить. Ягиня знала, что смерть уговорить нельзя. С ней можно только драться.

Она выхватила серп. Остро заточенное, изогнутое лезвие тускло блеснуло в сгустившихся сумерках. Она встала в стойку, расставив ноги и чуть согнув колени, уводя раненую левую руку за спину.

— Ну, подходите, твари, — процедила она сквозь зубы. — Кто первый хочет поперхнуться?

Вожак издал короткий, лающий рык. Это был приказ.

Два волка с боков рванулись к ней одновременно. Это была слаженная, отработанная годами тактика стаи — один бьет в ноги, чтобы сбить, другой цепляется в горло.

Первый волк прыгнул слева. Ягиня не стала отступать. Она шагнула ему навстречу, используя его же инерцию, и наотмашь рубанула серпом. Лезвие с тошнотворным хрустом вошло в бок зверя, разрубая ребра. Волк взвизгнул, его тело дернулось в воздухе, обдавая Ягиню фонтаном горячей, вонючей крови, и он рухнул в грязь у ее ног.

Но второй волк уже был здесь. Его тяжелая туша врезалась в Ягиню с правой стороны, сбивая ее с ног. Она полетела на спину, больно ударившись затылком о выступающий корень. Воздух со свистом вырвался из легких. Серп вылетел из руки, отлетев куда-то в кусты.

Над ней нависла слюнявая, зловонная пасть. Желтые клыки щелкнули в дюйме от ее лица. Волк навалился на нее всем своим огромным весом, придавливая к земле. Ягиня инстинктивно вскинула руки, вцепляясь пальцами в густую, грязную шерсть на шее зверя, пытаясь удержать клацающие челюсти подальше от своего горла. Ее левое запястье взорвалось агонией, шрам разошелся, и свежая кровь брызнула на морду волка, отчего тот окончательно обезумел от жажды.

Она хрипела, задыхаясь под его весом. Мышцы рук горели огнем, силы стремительно покидали ее. Волк яростно мотал головой, его когти рвали шерстяную ткань ее плаща, добираясь до плоти на плечах. Ягиня понимала, что не продержится и десяти секунд. Это был чистый, физиологический ужас — осознание того, что тебя сейчас сожрут заживо, что твоя плоть станет пищей для этой твари.

Она зажмурилась, готовясь к последнему, рвущему горло укусу.

А затем волк внезапно исчез.

Тяжесть, давившая на ее грудь, исчезла так резко, что Ягиня рефлекторно дернулась, глотая холодный воздух. Она распахнула глаза, садясь и судорожно озираясь в поисках серпа.

То, что она увидела в следующее мгновение, навсегда отпечаталось на внутренней стороне ее век.

Вожак стаи, тот самый огромный седой волк, который до этого стоял на дороге, не собиравшись смотреть, как его подчиненный возится с добычей. Он решил закончить дело сам. Но, прыгнув к лежащей Ягине, он совершил фатальную ошибку.

Его траектория прошла слишком близко к Безымянному, который всё это время неподвижно стоял у задней оси телеги. Веревка на его талии была натянута, руки всё так же были туго связаны за спиной сыромятным ремнем. Для волка он был даже не препятствием — просто куском дерева, торчащим на пути. Вожак в прыжке попытался оттолкнуться от него задними лапами, чтобы изменить направление полета и обрушиться прямо на Ягиню.

Станный подопечный лесной знахарки не испугался. Он не отшатнулся. В его глазах не мелькнуло ни капли адреналинового возбуждения.

Все произошло за какую-то долю секунды, но для Ягини время словно загустело, превратившись в смолу.

В момент, когда летящая туша вожака почти коснулась его, Безымянный неуловимо, текуче сместил центр тяжести. Он сделал полшага в сторону, уходя с линии атаки ровно настолько, чтобы волк пролетел мимо, но не настолько, чтобы выпустить его из своей зоны контроля.

Используя инерцию прыжка животного, он с намертво связанными за спиной руками чуть присел и с невероятной, расчетливой точностью подставил свое правое плечо под шею пролетающего волка. Одновременно с этим резко выпрямил ноги и скрутил корпус влево, совершая движение, требующее колоссальной силы и идеального знания военных техник.

Это не было дракой. Это не было попыткой защититься. Это была чистая, механическая казнь.

Ягиня услышала звук. Сухой, оглушительно громкий треск ломающихся шейных позвонков, похожий на звук лопающегося под ударом топора толстого сухого полена.

Туша огромного вожака, еще секунду назад бывшая сгустком смертоносных мышц, мгновенно превратилась в безвольный мешок с мясом и костями. Волк рухнул на землю у ног этого вояки под неестественным углом, подняв тучу грязных брызг. Из его пасти вырвался короткий предсмертный вздох, и желтые глаза мгновенно потускнели, затянувшись смертельной пеленой.

Второй волк, которого кто-то — Ягиня так и не поняла, как именно Безымянный успел ударить его ногой, пока ломал шею вожаку — скулил в кустах со сломанными ребрами, не решаясь приблизиться. Увидев смерть вожака, он поджал хвост и, волоча задние лапы, скрылся в темноте леса, спасаясь бегством. Тот, которого Ягиня рубанула серпом, тихо доходил в луже собственной крови в нескольких метрах от телеги.

Наступила тишина. Абсолютная, оглушающая тишина, нарушаемая лишь тяжелым, хриплым дыханием Ягини.

Она сидела на мокрой земле, прижимая окровавленную левую руку к груди. Ее сердце билось так, словно хотело пробить ребра. Волосы слиплись от чужой крови и грязи, плащ был разорван на плече, обнажая содранную клыками кожу.

Она медленно, преодолевая дрожь в теле, подняла взгляд на своего нового знакомого.

Он стоял на том же самом месте. Веревка, привязанная к телеге, всё так же обвивала его талию. Его руки были всё так же надежно связаны за спиной ремнем, врезавшимся в бледную кожу. Его босые ноги утопали в грязи в дюйме от морды мертвого вожака.

Он не тяжело дышал. Его грудная клетка поднималась и опускалась в том же самом замедленном, нечеловеческом ритме, что и час назад. На его бледном лице не было ни капли пота, ни тени торжества, ни следа агрессии. Он не смотрел на убитого им зверя.

Он смотрел на Ягиню.

Его черные, пустые глаза, в которых не было ни дна, ни бликов, встретились с ее серыми. В этом взгляде не было вопроса «Ты цела?». Там не было ожидания благодарности. Там не было вообще ничего человеческого. Он просто смотрел на нее, как механизм, который выполнил функцию устранения препятствия и теперь ждет новой вводной.

Ягиня судорожно сглотнула, чувствуя, как по спине, несмотря на пережитый ужас нападения волков, ползет совершенно иной, ледяной холодок. Холодок первобытного ужаса перед тем, чего ты не понимаешь.

Она думала, что взяла из подземелья сломанную игрушку. Калеку с отшибленными мозгами, который будет колоть ей дрова за миску похлебки и спать на соломе в сарае. Она думала, что контролирует ситуацию, потому что она — дитя леса, владеющая магией земли, а он — лишь жалкий, забитый пленник.

Какой же самонадеянной идиоткой она была.

Этот человек, это существо со сломанной памятью только что убило гигантского лесного хищника в прыжке, со связанными руками, одним движением корпуса. Без магии. Без оружия. Только за счет нечеловеческих рефлексов и абсолютного, стерильного хладнокровия.

Она не привела в дом калеку. Она привела в дом идеальную, совершенную машину для убийства. Оружие, с которого кто-то стер заводские настройки, но оставил в полной боевой готовности. Оружие, которое убивает не из злости и не ради выживания, а просто потому, что это его базовая функция.

И прямо сейчас эта машина стояла перед ней, ожидая, что она сделает дальше.

Ягиня заставила себя подняться на ноги. Колени дрожали, но она выпрямила спину. Она не покажет ему страха. Если животное чувствует страх — оно нападает. Если этот пустой сосуд почувствует ее слабость — кто знает, какотреагируют его инстинкты убийцы.

Она медленно, не отрывая взгляда от его лица, подошла к кустам, подняла свой выроченный серп и вытерла лезвие о подол плаща. Затем шагнула к Безымянному.

Он не шелохнулся. Не попытался отстраниться, когда она подошла вплотную, так близко, что снова почувствовала этот запах озона и льда. Она зашла ему за спину. Кожа на его запястьях под жестким ремнем была стерта в кровь, но он ни разу не попытался ослабить путы.

Ягиня занесла серп. Она могла перерезать ему горло прямо сейчас. Одно движение — и эта непонятная, пугающая аномалия исчезнет навсегда. Лес скроет его кости, и никто никогда не узнает, куда делся княжеский пленник. Это было бы самым разумным, самым безопасным решением.

Но она вспомнила, как он коснулся ее щеки в подземелье. Вспомнила это тихое, скрежещущее «Тепло». В этой машине была поломка. Искра, которая не должна была там быть. И эта искра, какой бы крошечной она ни была, спасла ей жизнь минуту назад. Он мог бы просто отойти и позволить волку разорвать ее. Но он убил его. Инстинкт? Или выбор?

Она опустила серп и аккуратно, стараясь не задеть его бледную кожу, подцепила острием туго затянутый узел сыромятного ремня. Одно усилие — и ремень с легким треском лопнул, опадая в грязь.

Затем она перерезала веревку, связывающую его талию с телегой.

Безымянный был свободен. Он медленно опустил руки вдоль туловища. Его плечи чуть хрустнули, когда он расправил их после долгих часов в неестественном положении. Он медленно обернулся к ней.

Его руки больше не были связаны. Между ними было меньше полуметра. Если он захочет, он сломает ей шею так же легко, как только что сломал шею волку.

Ягиня вскинула подбородок, глядя ему прямо в глаза. Ее губы кривились в жесткой, надменной усмешке, хотя сердце билось в горле.

— Телеги больше нет. Конь сдох, — хрипло, но твердо сказала она, указывая серпом в темноту чащи. — Дальше пойдем пешком. Понесешь мою суму.

Она наклонилась, подняла с земли тяжелую кожаную сумку с травами и инструментами и бросила ему под ноги.

Тот опустил свой пустой, бездонный взгляд на суму. Затем снова перевел его на Ягиню. Долгая, невыносимо тяжелая секунда тишины повисла между ними, прерываемая лишь шумом ветра в вершинах сосен. Ягиня напрягла каждую мышцу, готовая броситься в сторону, ударить лезвием, драться за свою жизнь до последнего вздоха.

Но это существо не напало.

Он медленно, с той же самой пугающей, текучей грацией наклонился, подхватил тяжелую суму одной рукой, закинул ее на свое плечо, не обращая внимания на то, что лямка врезалась в растертую кожу шеи.

Он выпрямился и молча встал за ее правым плечом, ожидая команды. Не как раб. Как абсолютное, безотказное оружие, которое признало в ней того, кто будет отдавать приказы. На время.

Ягиня отвернулась, чувствуя, как по виску скатывается капля холодного пота. Она сделала глубокий вдох, заполняя легкие запахом крови, сырости и близкой зимы.

— За мной. След в след. И если увидишь еще одного волка — не жди, пока он прыгнет, — бросила она через плечо, шагая в темноту Дремучего Леса.

Она не оглядывалась, но спиной чувствовала его присутствие. Холодное, бесшумное, смертоносное. Она привела в свой дом смерть, и теперь ей предстояло научиться спать с ней под одной крышей. И самое страшное было то, что часть нее, та дикая, поломанная часть, отмеченная Велесом, находила в этом соседстве странное, извращенное удовлетворение.

Глава 3. Мертвая тишина и живая кровь

Адреналин, этот пьянящий, лживый нектар, заставляющий тело игнорировать разорванные мышцы и сломанные кости, начал стремительно вымываться из крови. На его место приходила тупая, пульсирующая агония.

Ягиня шла впереди, тяжело, со свистом втягивая влажный лесной воздух сквозь стиснутые зубы. Каждый шаг по неровному, усеянному корнями ковру Дремучего Леса отдавался в левом плече вспышкой такой ослепительной боли, что перед глазами плясали черные мушки. Лесной серый хищник не просто порвал ей кожу — его клыки глубоко вошли в плоть, разорвав мышечные волокна и едва не достав до кости. Густая, горячая кровь непрерывно сочилась сквозь наспех наложенную повязку, пропитывая грубую шерсть плаща, стекая по локтю и срываясь тяжелыми, липкими каплями на прелые осенние листья.

Но хуже физической боли было тошнотворное, сосущее чувство магического истощения. Ритуал в тереме Светлояра, когда она вливала свою силу в умирающего княжича, вычерпал ее резервы до самого дна. Сейчас она была не лесной ведьмой, перед которой склонялись столетние дубы, а просто раненой, истекающей кровью женщиной, бредущей сквозь чащу.

И она была не одна.

Её спаситель шел позади. След в след. Беззвучно.

В этом отсутствии звука было что-то глубоко, фундаментально противоестественное. Любое живое существо, даже самый ловкий хищник вроде рыси или волка, оставляет след. Хрустнет сухая ветка под лапой, зашуршит опавшая листва, собьется дыхание на крутом подъеме. Но его шаги не рождали звуков. Он ступал по лесу так, словно не имел веса, словно гравитация и физика этого мира на него не действовали.

Ягиня несколько раз ловила себя на том, что намеренно замедляет шаг, вслушиваясь в темноту за своей спиной, просто чтобы убедиться — он все еще там. Но ей не нужны были звуки, чтобы знать это. Она чувствовала его.

Лес, обычно шумный, переполненный тысячами голосов — от кваканья болотных жаб до уханья сов и шороха мышей-полевков, — вымер. Как только они сошли с тракта и углубились в чащу, природа вокруг них просто заткнулась. Это была не тишина затаившейся перед броском засады. Это была тишина кладбища.

Ягиня скосила глаза вниз, на тропу. Огромный папоротник, чьи раскидистые зеленые листья еще секунду назад влажно блестели в лунном свете, внезапно потемнел. Как только босая, измазанная в грязи нога пленника опустилась в дюйме от его корня, края листьев скрутились, почернели и осыпались прахом, словно их ударило лютым, декабрьским морозом. Земля под его ногами не проминалась — она кристаллизовалась. Влага во мху замерзала, превращаясь в крошечные, колючие иголки льда.

От него фонило Навью. Густой, концентрированной смертью, которая не знала цикла перерождения. Смертью как абсолютным концом.

«Кого я притащила в свой дом?» — эта мысль билась в воспаленном мозгу Ягини, как птица о стекло. Она думала, что берет на поруки сломанного калеку, пустого дурачка, чья нечеловеческая сила пригодится в хозяйстве. Но то, что шло сейчас за ней, убившее огромного волка одним неуловимым движением корпуса, не было ни калеккой, ни человеком. Это была аномалия. И эта аномалия теперь была привязана к ней.

Впереди, сквозь клочья сизого, стелющегося по земле тумана, проступил знакомый силуэт.

Ее изба стояла на небольшом островке твердой земли посреди гибельных топей. Она не была похожа на аккуратные бревенчатые домики в человеческих деревнях. Изба громоздилась на толстых, переплетенных, как артритные пальцы старика, корнях мертвого тысячелетнего

дуба, возвышаясь над черной водой. По краям покато́й, поросшей мхом крыши на толстых пеньковых веревках висели черепа — кабаньи, медвежьи, рысьи. Это были не просто трофеи. Это была ее охранная система, ее глаза и уши в мире духов.

Обычно, когда Ягиня возвращалась, черепа глухо постукивали костью о кость, приветствуя хозяйку легким, успокаивающим перезвоном. Руны Велеса, вырезанные на потемневшем дверном косяке, наливались мягким, теплым янтарным светом.

Но сегодня всё пошло не так.

Когда до крыльца оставалось шагов тридцать, ближайший к тропе медвежий череп вдруг дернулся. Его пустые глазницы вспыхнули неровным, болезненным багровым светом. А затем началось безумие.

Череп забились на ветру, хотя воздух был абсолютно неподвижен. Они застучали друг о друга с такой яростной, панической силой, что звук слился в сплошной костяной треск, похожий на барабанную дробь перед казнью. Руны на косяке вспыхнули ослепительно ярко, словно пытаясь выжечь невидимую угрозу, но этот свет был нестабильным, он дрожал и мигал. Изба буквально вибрировала от животного, первобытного ужаса перед тем, что приближалось к ней по тропе.

Безымянный остановился.

Он не испугался этого дьявольского концерта. Он просто поднял голову. Грязные, спутанные пряди темных волос упали ему на глаза, но Ягиня видела его лицо. На нем не было ни удивления, ни тревоги. Он смотрел на бьющиеся в истерике обереги с тем же холодным спокойствием, с каким смотрел на умирающего волка.

Он сделал один шаг вперед.

И всё закончилось.

Череп замерли так резко, словно невидимая рука перерезала им глотки. Багровый свет в их глазницах потух, сменившись мертвой, матовой пустотой кости. Руны на двери вспыхнули в последний раз, зашипели, как мокрое дерево в костре, и почернели, превратившись в мертвую золу.

Защита, которую Ягиня выстраивала, питала своей кровью и магией годами, просто сдавалась. Схлопнулась перед одним его шагом, признав свою абсолютную, ничтожную несостоятельность перед лицом истинной Бездны.

Ягиня замерла, тяжело дыша. Холодный пот градом катился по ее лицу, смывая грязь. Ей стало по-настоящему страшно. Не за себя — за свой дом. За то единственное место в этом жестоком мире, где она могла не прятать свои пятна и не ждать удара в спину.

— Ягиня! — резкий, шипящий шепот, похожий на шорох сухих листьев по камню, разорвал наступившую тишину.

Из толстого ствола старой, почерневшей от удара молнии ивы, росшей у самого края островка, начало что-то вычленяться. Кора пошла трещинами, обнажая серое, волокнистое нутро, и из дерева шагнул Бор.

Старый леший, который обычно выглядел как высокий, жилистый старик в одежде из прелых листьев и мха, с вечной дымящейся трубкой в зубах, сейчас казался вдвое меньше своего роста. Он ссутулился, его глаза-угольки лихорадочно метались, а из трубки не шло ни струйки дыма. Бор жался к стволу ивы, словно пытался вжаться обратно в древесину, не решаясь сделать ни шагу в сторону тропы.

— Что это, девка? — прошипел леший, вытягивая кривой, сучковатый палец в сторону стоящего неподвижно незнакомца. — Что за гниющую мертвечину ты приволокла в сердце моего леса?!

Ягиня устало прикрыла глаза. Спорить с Бором у нее не было ни сил, ни времени. Ее плечо горело огнем, а перед глазами всё плыло.

— Это княжеский пленник, Бор, — ее голос прозвучал тускло, без её привычной власти. — Он... не в себе. У него нет памяти. Я забрала его из темницы Радомира.

— Пленник?! — Бор издал звук, похожий на скрежет пилы по гвоздям. Его серое лицо исказилось от нескрываемого отвращения и ужаса. — Ты ослепла, ведьма? Ты совсем из ума выжила со своими людскими играми? Посмотри на него! От него несет Навью так, что у меня корни в земле гниют заживо! В нем нет души! Нет тени! Это ходячая дыра в мироздании, Ягиня! Он высосет этот лес до сухой хвои, а потом сожрет и тебя!

Ягиня медленно повернула голову к своему спутнику.

Он стоял всё так же неподвижно, с ее тяжелой кожаной сумой на плече. Слушал крики лешего, но в его позе не было агрессии, смотрел на Бора с таким же отстраненным интересом, с каким ученый смотрит на неизвестное насекомое. Слова Бора, полные ненависти, отлетали от него, не оставляя и следа, потому что внутри него не было того, что можно было бы задеть.

— Он убил вожака серой стаи. Голыми руками. Одним движением, — тихо сказала Ягиня, снова поворачиваясь к лешему. — Секунду назад они собирались разорвать мне горло. Если бы не он, Бор, ты бы сейчас собирал мои кости по оврагу. Он останется здесь.

— Глупая, самонадеянная девка, — с горечью выплюнул леший. Его когтистые пальцы вцепились в кору ивы. — Ты принесла в дом не цепного пса, которого можно прикормить костями. Ты принесла в дом зиму. Не зови меня, пока он здесь. Я не переступлю порог твоего острова. И если он начнет рвать ткань Яви... лес не станет тебя защищать.

С сухим треском кора ивы сомкнулась, поглотив лешего целиком. Ствол дерева снова стал обычным куском старой древесины. Но ощущение чужеродности, изоляции, навалилось на Ягиню с удвоенной силой. Лес, который воспитал ее, только что от нее отрекся.

Она осталась одна. Один на один с пугающей пустотой, стоящей за ее спиной.

— Идем, — глухо скомандовала она, шагая на скрипучие, скользкие от росы ступени крыльца.

Она толкнула тяжелую дубовую дверь. Та поддалась с натужным стоном.

Внутри изба встретила ее густым, родным запахом. Здесь пахло сушеной полынью, горькой мятой, связками чеснока под потолком, старой древесиной и въевшейся в стены сажей от очага. Это был запах ее крепости, ее безопасности. Но как только пленник, пригнув голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, переступил порог вслед за ней, этот запах словно выцвел. Воздух в горнице мгновенно стал тяжелым, разреженным, будто из комнаты разом выкачали всё тепло.

Ягиня, пошатываясь, прошла к каменному очагу, сложенному в центре комнаты из дикого валуна. Пальцы правой руки дрожали так сильно, что она трижды выронила кресало, пытаясь высечь искру на сухой трут. На четвертый раз искра легла удачно. Тонкая струйка дыма потянулась вверх, и огонь, сначала робко, а затем всё увереннее, облизнул сухие сосновые поленья, сложенные домиком.

Теплый, оранжевый свет метнулся по стенам, выхватывая из темноты пучки трав, тяжелый дубовый стол, уставленный глиняными плошками со ступками, и широкую лежанку в углу, застеленную шкурами.

Она обернулась.

Мужчина остановился ровно в шаге от порога, не прошел дальше. С глухим стуком он скинул ее тяжелую суму на пол. Грязь с его босых ног и лохмотьев пачкала чистые, выскобленные с песком деревянные половицы, но он этого не замечал. Он не осматривался, не изучал новое место, как сделал бы любой зверь или человек, попавший в незнакомое укрытие. Он просто застыл, опустив руки вдоль туловища. Его грудная клетка едва заметно поднималась и опускалась в том самом жутком, замедленном ритме.

— Дверь. Запри на засов, — тяжело дыша, приказала Ягиня.

Он медленно повернулся, его длинные, грязные пальцы легли на тяжелый кованый засов. С громким, резким лязгом железо вошло в паз. Путь наружу был отрезан.

Ягиня привалилась бедром к столу, чувствуя, как комната начинает медленно вращаться вокруг нее. Ей нужно было заняться плечом немедленно. С каждой минутой риск того, что волчья слюна проникнет глубоко в кровь и вызовет гнойную лихорадку, возрастал многократно. Если начнется гнилокровье, в ее нынешнем, истощенном состоянии она просто сгорит за пару дней.

Она попыталась потянуть за воротник своего плаща, чтобы снять его, но боль отрезвила ее, заставив громко, с присвистом втянуть воздух. Ткань намертво присохла к ране. Кровь свернулась, скрепив шерсть, лен нижней рубахи и разорванное мясо в единый, жесткий панцирь.

Снять одежду самой, действуя только одной здоровой правой рукой, было невозможно.

Она бросила взгляд на стол. Там лежал ее рабочий нож — короткий, с широким лезвием, которым она крошила твердые корни. Ягиня схватила его. Подцепив лезвием край тяжелого плаща у здорового плеча, она потянула вниз, разрезая шерсть. Затем перехватила нож обратным хватом и, кривясь от боли, начала вспарывать ткань на груди, прорезая и плащ, и льняную рубаху одновременно.

Ткань трещала. Разрез шел от горла вниз, наискосок к поясу.

Когда она дошла до живота, то отбросила нож и, сжав зубы так, что они заскрипели, потянула изуродованную одежду вниз, срывая ее с левого плеча.

Это было ошибкой. Присохшая ткань оторвалась вместе с верхним слоем спекшейся крови и сукровицы. Рана открылась заново. Кровь хлынула с новой силой, заливая грудь и левую руку. Ягиня не сдержала сдавленного стона и оперлась обеими руками о стол, низко опустив голову. Ее била крупная, безостановочная дрожь.

Она стояла полураздетая. В свете камина ее тело выглядело жутковатой картой двух противоборствующих стихий. Смуглая, оливковая кожа, выдубленная солнцем и лесными ветрами, была испещрена белыми, лишенными всякого пигмента пятнами Велеса. Они расплзались по ее левой груди, спускались по ребрам к впалому животу, уходили на спину неровными, рваными островами. Люди считали это уродством, следом проказы или проклятия. Но на фоне этого природного узора выделялось нечто куда более страшное — разорванное, кровавое месиво на левом плече. Клыки волка вырвали солидный кусок мышцы, края раны были неровными, синюшными, источающими слабый, но явный запах гниющей слюны.

Она должна была промыть это. Немедленно.

Над очагом, на толстом кованом крюке, висел чугунный котелок. Вода в нем, оставленная с утра, уже начала закипать, источая густой пар.

Ягиня попыталась дотянуться правой рукой до тяжелой кочерги, стоявшей у очага, чтобы снять котелок. Но пальцы соскользнули по гладкому железу — на них была ее собственная кровь. Она пошатнулась, едва не рухнув на горячие камни.

— Проклятье... — прохрипела она, сползая по краю стола.

В этот момент в ее поле зрения появилось движение.

Безымянный бесшумно пересек горницу и остановился у очага. Вблизи от него веяло таким могильным холодом, что пламя костра инстинктивно пригнулось, словно пытаясь отстраниться.

Он не смотрел на ее обнаженную грудь. Не изучал ее белые пятна. В его черных глазах не было ни капли похоти, ни отвращения, ни смущения. Он смотрел только на котелок с кипящей водой, словно вычисляя задачу, с которой не справился предыдущий механизм.

— Сними его... — тяжело дыша, приказала Ягиня. — Кочерга... там.

Но он не взял кочергу.

Он просто протянул свою правую руку, ту самую, на запястье которой еще остались кровавые борозды от кандалов, прямо в ревущее пламя.

Ягиня в ужасе распахнула глаза.

Его длинные, бледные пальцы сомкнулись на раскаленной докрасна чугунной дужке котелка.

Звук был омерзительным. Громкое, влажное шипение, похожее на звук, с которым шпат сырого сала бросают на раскаленную сковороду. Воздух мгновенно наполнился тошнотворным, сладковатым запахом горячей человеческой плоти.

— Стой! Что ты делаешь, безумец?! — закричала Ягиня, рванувшись вперед, но боль в плече отбросила ее обратно на стол.

Мужчина не отдернул руку. Он даже не вздрогнул. На его лице не дрогнул ни один мускул. Его дыхание осталось таким же ровным и медленным. С абсолютно каменным, отстраненным выражением лица он спокойно снял тяжелый, полный кипящей воды котелок с крюка, пронес его над огнем и аккуратно поставил на дубовый стол перед Ягиной.

Только после этого он разжал пальцы.

Кожа на его ладони и внутренней стороне пальцев была сожжена дотла. Мясо обуглилось, покрылось чудовищными, почерневшими волдырями, которые лопались прямо на глазах, обнажая красную, сочащуюся сукровицей подкожную ткань. Кое-где, сквозь обугленное мясо, белели фаланги пальцев.

Это была травма, от которой здоровый мужик ревел бы дурниной, катаясь по полу, и от которой он навсегда остался бы калекой.

Но этот сумасшедший медленно поднял искалеченную руку к лицу. Он посмотрел на нее. Не с ужасом. Не с болью. А с легким, почти академическим любопытством.

— Горячо, — произнес он.

Его голос, сухой и скрежещущий, раздался в тишине избы как приговор. Он сказал это не как жалобу. Он не искал сочувствия. Он произнес это как констатацию физического факта. Температура объекта превысила порог сопротивляемости тканей. Произошло разрушение материи.

Ягиня смотрела на его обугленную ладонь, и ее мутило.

Она поняла. В подземельях Светлояра он не терпел побои стражников благодаря какой-то невероятной силе духа. Он их просто не чувствовал. В этом существе физиологически отсутствовал механизм боли. Тот самый базовый, первобытный инстинкт, который кричит любому живому существу: «Убери руку! Беги! Спасайся!». Тот, кто сотворил его, не заложил систему оповещения о повреждениях. Ему было всё равно, разрушается его оболочка или нет.

— Тебе... не больно, — прошептала она, не в силах отвести взгляд от его белеющих костей на пальцах.

Он перевел на нее свои черные глаза. Слово «больно», казалось, просто не загрузилось в его словарь. Он не понимал концепции страдания.

— Мясо сгорело, — ровно ответил он, шевеля обугленными суставами. — Пальцы теперь плохо слушаются.

Ягиня истерично, надтреснуто рассмеялась. Смех быстро перешел в кашель, отзывающийся адской болью в плече. Она стояла перед чудовищем, которое не знало страха, и ей предстояло доверить этому чудовищу свою жизнь.

— Вода остынет, — напомнила она себе вслух.

Ягиня оперлась здоровой рукой о край стола.

— Там, в плошке, мыло. Щелок, — она кивнула на грубый серый кусок, лежащий на деревянном блюде. — Возьми чистую холстину. Макни в кипяток. Густо намывь. И промой мне плечо.

Она с трудом сглотнула, глядя в его пустые глаза.

— Вычисти из раны всё. Грязь, свернувшуюся кровь, волчью слюну. Это будет... это нужно сделать сильно. Если пойдет свежая кровь — не останавливайся. Три, пока края не станут чистыми. Понял?

Он медленно кивнул. Левой, необожженной рукой её необычный помощник взял кусок грубой холстины и опустил его в кипящую воду. Пар окутал здоровую кисть, но он, естественно, не обратил на это никакого внимания. Вытащив исходящую паром ткань, он щедро натер ее едким, вонючим мылом, которое Ягиня варила из золы и животного жира.

Ведьма повернулась к нему полубоком и взяла со стола толстый, прочный кожаный ремешок — тот самый, который она обычно давала прикусить своим пациентам, когда вправляла им кости или лечила глубоки раны. Она засунула его в рот и намертво стиснула челюсти, так что на скулах заиграли желваки.

Она уперлась обеими руками в столешницу, напрягая спину. И кивнула.

Его прикосновение было неожиданным.

Она ждала удара. Ждала, что он, не умея рассчитывать силу, просто вобьет тряпку ей в рану, ломая кости. Но его движения оказались точными, хотя и лишеными всякой бережности.

Сначала его правая рука — та самая, обугленная, ледяная, несмотря на ожоги — легла ей на талию. Его пальцы жестко, как стальные тиски, впились в ее кожу, фиксируя ее на месте, лишая возможности дернуться или отстраниться. Контраст между его мертвенным холодом и ее разгоряченным, лихорадочным телом был настолько резким, что Ягиню пробила крупная дрожь.

А затем он прижал кипящую, пропитанную едким щелоком холстину прямо к открытому, изорванному мясу на ее плече.

Ягиня закричала.

Это был даже не крик — это был сдавленный, животный вой, намертво завязший в кожаном ремне. Боль взорвалась в ее мозгу ослепительно белой сверхновой. Щелок безжалостно выжигал живые ткани, растворяя грязь и волчью слюну. Кипяток обжигал плоть, заставляя мышцы непроизвольно, мучительно сокращаться.

Перед ее глазами поплыли черные круги. Слезы хлынули из глаз сплошным потоком, смешиваясь с потом на лице. Ее тело инстинктивно рванулось вперед, мозг вопил, требуя немедленно прекратить эту пытку, убежать, ударить того, кто причиняет вред. Но рука Безымянного на ее талии держала мертво. Он не сдвинулся ни на миллиметр.

Просто тер рану. Сильно. Методично. Безжалостно. Как мясник, счищающий грязь с колоды. Он вымывал сгустки черной крови, проникая грубой тканью в самые глубокие разрывы мышцы. Свежая, ярко-алая кровь брызнула из раны, стекая по его рукам, но он, как было приказано, не останавливался.

Каждая секунда этой экзекуции казалась Ягине часом, проведенным в аду. Ногти ее правой руки впились в дубовую столешницу с такой силой, что дерево под ними начало хрустеть. Она задыхалась, ее грудь судорожно вздымалась, сердце билось где-то в горле.

И всё это время, пока она билась в агонии под его руками, он наблюдал за ней.

Он смотрел на то, как ее спина выгибается дугой. Смотрел на капли пота, блестящие на ее смуглой, пятнистой шее. Слушал ее сдавленный, захлебывающийся скулеж. В его черных глазах не было садистского удовольствия. Там был лишь глухой, отстраненный интерес. Он смотрел, как содрогается живая плоть от кипятка и щелока, пытаясь понять саму природу этой чужой муки. Изучал то, чего был лишен сам.

— Чисто, — произнес над ее ухом скрежещущий, ровный голос.

Тряпка исчезла. Давление на талию пропало.

Ягиня обессиленно рухнула на стул, стоявший рядом. Она выплюнула изо рта прокушенный едва ли не насквозь кожаный ремешок. Ее грудь ходила ходуном. Она со свистом втягивала

в легкие прокопченный воздух избы, не в силах остановить текущие по щекам слезы. Левое плечо пульсировало сплошным, раскаленным добела куском боли, но это была чистая боль. Правильная. Жар спал. Ощущение ползущей по венам гнили исчезло.

Дрожащими пальцами правой руки она подтянула к себе заранее приготовленную керамическую баночку. Внутри была густая, вонючая мазь — смесь живицы хвойных деревьев, медвежьего нутряного сала и сока чистотела. Она щедро, не жалея, зачерпнула мазь и толстым слоем наложила на рану. Боль мгновенно притупилась, сменившись спасительным, охлаждающим онемением. Затем неловко, помогая себе зубами, обмотала плечо чистыми льняными тканями из своих запасов.

Только закончив перевязку и накинув на плечи чистое шерстяное одеяло, она нашла в себе силы поднять глаза на своего спасителя.

Он стоял по ту сторону стола. Кровь Ягини — яркая, живая — медленно капала с его пальцев на пол. Он не пытался ее стереть, просто неотрывно смотрел на ведьму.

— Почему ты кричала? — спросил Безымянный.

В его голосе не было издевки. Это был искренний вопрос существования, столкнувшегося с необъяснимым феноменом.

Ягиня горько, надтреснуто усмехнулась, вытирая мокрое от слез и пота лицо тыльной стороной ладони.

— Потому что мне было больно, — хрипло ответила она, опираясь локтями о стол. — Когда живую плоть рвут клыками, а потом втирают в нее едкий щелок и кипяток — это больно. Твоя кровь и жилы чувствуют погибель. Сама плоть вопит о том, что ее рвут на куски. Что она умирает. И этот крик — это боль. Она заставляет нас защищаться. Одергивать руку от огня. Драться за свою жизнь. Это наш способ выжить.

Мужчина медленно поднял свою правую, обугленную руку. Он посмотрел на сожженное мясо, на виднеющиеся кости, так спокойно, словно это была сломанная ветка чужого дерева, а не часть его собственного тела.

— Мое тело... не кричит, — произнес он.

Ягиня сглотнула. В этой короткой фразе была такая звенящая, чудовищная неправильность, что ей захотелось закрыть уши. Существо, лишенное инстинкта самосохранения, не имеет границ. Оно не знает, когда остановиться. Оно может уничтожить себя и всё вокруг, даже не поняв, что делает что-то не так.

Он шагнул в обход стола. Подошел к ней вплотную.

Ягиня инстинктивно вжалась в спинку стула, плотнее запахивая на себе одеяло.

Незнакомец поднял здоровую, левую руку. Его длинные, грязные пальцы, перепачканные ее кровью, потянулись к ее лицу. Ягиня напрягла шею, готовая отбить удар, но удара не последовало.

Его пальцы, ледяные, как могильный камень, осторожно, почти невесомо легли на ее щеку, точно на белое пятно Велеса.

Он не пытался причинить ей вред. Он просто касался ее кожи так, словно слепой пытался прочесть сложный рельеф.

— Твоя кровь... — прошептал он. Его голос впервые дрогнул, потеряв свою ровную интонацию. В нем появилась странная, хрипкая вибрация. — Она горячая. Как огонь в очаге. Огонь... разрушает. Он кричит. Но ты... ты теплая. Ты не разрушаешь.

Его пальцы медленно скользнули по ее скуле вниз, к линии подбородка, затем на шею, туда, где прямо под тонкой кожей бешено билась жизнь.

Ягиня перестала дышать. От его прикосновения, от этого смертельного, пронизывающего холода, ее сердце сжалось. Она чувствовала себя мышью, которую аккуратно, кончиком когтя трогает сытый хищник. Одно движение его пальцев — и он раздавит ей шею.

Но в его черных глазах, устремленных на пульсирующую венку на ее шее, была не жажда убийства. Там была жадная, пугающая, животная одержимость замерзающего насмерть человека, который нашел в ледяной пустыне последний тлеющий уголек и теперь боится, что тот погаснет.

Он ничего не помнил. У него не было прошлого. У него не было боли, чтобы понять границы своего тела. В его мире была только звенящая пустота и абсолютный ноль. И она, Ягиня, со своей бешено колотящейся кровью, со своей болью, криками и горячей, пятнистой кожей, была единственным объектом в этом мире, который давал ему хоть какие-то ощущения. Она была для него не женщиной. Она была якорем. Единственным доказательством того, что реальность вообще существует.

— Ты сгоришь, если будешь тянуться к огню, не чувствуя, как он плавит твои кости, — тихо, на выдохе сказала Ягиня, не отводя от него взгляда серых глаз.

Он медленно убрал руку от ее шеи. Его лицо снова превратилось в бесстрастную, каменную маску.

— Я не горю, — ответил он ровным, ничего не выражающим голосом. — Я замерзаю.

Эти два слова резанули Ягиню по сердцу сильнее, чем нож. В этом существе не было человечности, но та прямая, констатирующая искренность, с которой он говорил о своей пустоте, была страшнее любой угрозы.

Ягиня тяжело выдохнула, глядя на его худую, изломанную фигуру, освещаемую неровными всполохами огня.

— Как тебя звать? — вдруг спросила она, нарушив тяжелую тишину избы.

В лесу нельзя было без имени. Безымянных тварей забирает Навь, растворяет в своем тумане, делая ничем. Имя — это якорь, привязывающий к Яви, к миру живых. Давая имя, ты даешь форму.

Он медленно опустил здоровую руку. Его пустой взгляд скользнул по бревенчатым стенам, зацепился за сушеные травы и вернулся к ней.

— Никак. Я не помню.

— У всего есть имя, — упрямо прохрипела Ягиня, кутаясь в колючее одеяло.

Она окинула его внимательным, цепким взглядом. Впалые щеки, острые ключицы, обтянутые тонкой, почти прозрачной бледной кожей, выпирающие ребра, которые можно было пересчитать через дыры в лохмотьях рубахи. И эти белые, жуткие фаланги пальцев на обожженной руке, лишенные плоти. Сплошные кости. И эти раны на запястьях от тяжелых княжеских кандалов, оставившие кровавые, не заживающие борозды.

— В старых деревнях, за рекой, — медленно произнесла она, пробуя слова на вкус и не отрывая от него глаз, — пленников, которых сажали на цепь, называли кощеями. Рабами. А еще так кликали тех, кто тощ, как сама Смерть. Отроду одни мослы да жилы. У тебя вот кожа да кости, и цепь я с тебя сняла только сегодня.

Она прищурилась, изучая его реакцию.

— А чего не Кощеем? Будешь Кощеем. Раз уж ты теперь привязан к моему дому.

Он чуть склонил голову набок. С глухим, бесстрастным равнодушием существа, которому просто всучили чужую, непонятную вещь. Его губы, сухие и потрескавшиеся, едва заметно шевельнулись, беззвучно повторяя набор звуков. Затем он произнес это вслух, хрипло, но твердо:

— Кошей.

В этот момент в избе что-то неуловимо изменилось. Словно тяжелый, мертвый воздух стал чуточку легче. Слово прозвучало, впечаталось в деревянные стены, обрело вес. Безымянный монстр перестал быть просто дырой в мироздании. Он обрел форму.

Ягиня кивнула, принимая это. Она с трудом поднялась со стула. Тело ныло так, словно ее пропустили через мельничные жернова. Веки налились свинцом. Магическое истощение и

потеря крови брали свое — ей нужно было провалиться в сон немедленно, иначе ее собственная магия начнет пожирать ее изнутри.

Она подошла к углу комнаты, взяла ворох старых, пыльных овечьих шкур и бросила их на пол, прямо возле пылающего, потрескивающего очага.

— Твое место там, Кощей, — она указала здоровой рукой на шкуры, впервые называя его по имени. Голос прозвучал хрипло, но в нем прорезались властные, хозяйские нотки. — Без моей команды из избы не выходить. Ничего не трогать руками. Ночью дверь не открывать, даже если услышишь мой голос с той стороны. Лес заберет тебя, и я даже костей не найду. Еда в котле на печи, если захочешь.

Она отвернулась от него, подошла к своей широкой лежанке в темном углу и рухнула на медвежью шкуру. Сил раздеваться не было. Она просто натянула на себя тяжелое, колючее шерстяное одеяло, укрывшись с головой.

В избе повисла тишина. Слышен был только треск горящих сосновых поленьев, монотонный стук капель дождя по крыше да завывание ветра в каменной трубе.

Ягиня лежала с закрытыми глазами, напряженно прислушиваясь. Она ждала шороха. Ждала, что он начнет бродить по комнате, изучать предметы на столе, искать еду или попытается открыть засов на двери. Она ждала звуков укладывающегося на шкуры тела.

Но звуков не было. Ни единого шороха.

Она медленно приоткрыла один глаз, выглядывая из-под края одеяла.

Кощей не лег на брошенные ему овечьи шкуры.

Он сидел на голом дощатом полу, скрестив ноги, ровно в том месте, где она его оставила. Он сидел с идеально прямой спиной, положив здоровую руку на одно колено, а обугленную — на другое.

Он смотрел на нее.

В неровном, пульсирующем свете догорающего очага его лицо казалось высеченным из серого мрамора. Он не моргал. Его грудь поднималась так редко, что казалось, он вообще не дышал. Он просто сидел в темноте и смотрел на укутанную в одеяло фигуру Ягини. Как цепной пес, охраняющий единственный источник тепла, который он смог найти в своей бесконечной, ледяной ночи.

Ягиня закрыла глаза, чувствуя, как сон наваливается на нее тяжелой, удушливой волной. Засыпая, она поймала себя на мысли: впервые за многие годы жизни в Дремучем лесу она не чувствовала себя одинокой в своей избе.

Но это присутствие не приносило покоя. Оно ощущалось так, словно она добровольно легла спать, положив под подушку взведенный арбалет. Одно неверное движение во сне, одна случайность — и стальной болт пробьет ей голову.

И всё же, проваливаясь в спасительную, темную бездну небытия, лесная ведьма, отмеченная богами, знала точно: она не станет разряжать этот арбалет. По крайней мере, не сегодня.

Глава 4. Щепки и подзатыльники

Утро в Дремучем Лесу никогда не наступало внезапно. Оно просачивалось сквозь щели в бревенчатых стенах густым, сизым туманом и запахом стылой, промерзающей земли.

Ягиня открыла глаза. Первым, что вернулось к ней из спасительного небытия сна, была боль. Левое плечо, изорванное клыками волка, затекло так сильно, что казалось чужим куском гниющего мяса, намертво пришитым к ключице. Она попыталась сделать глубокий вдох, но грудную клетку стянуло спазмом, и вместо вдоха из горла вырвался хриплый, болезненный клекот.

Она медленно, стараясь не тревожить рану, повернула голову на шкурах.

Кощей сидел там же, где она оставила его ночью. У давно погасшего очага, в котором остались лишь серые, холодные угли. Он не сменил позы. Скрещенные ноги, идеально прямая спина, руки на коленях. Его черные, пустые глаза неотрывно смотрели на нее сквозь полумрак избы.

— Ты вообще спал? — хрипло спросила Ягиня, с трудом садясь на лежанке и морщась от резкой боли, прострелившей шею.

Он не ответил сразу. Его взгляд скользнул по ее перевязанному плечу, затем вернулся к лицу.

— Я закрывал глаза, — произнес он своим сухим, скрежущущим голосом. — Темнота внутри ничем не отличается от темноты снаружи. Нет смысла их держать закрытыми.

Ягиня сглотнула горькую слюну, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. В его словах не было ни жалобы на бессонницу, ни усталости. Он просто констатировал факт: для него не существовало разницы между бодрствованием и сном, потому что его сознанию не нужно было отдыхать. В нем не было того, что устаёт.

Она откинула колючее одеяло и спустила босые ноги на ледяной дощатый пол. Голова кружилась, но лихорадки не было. Мазь из живицы и чистотела сделала свое дело — заражение не пошло в кровь.

Одеваясь одной здоровой рукой, Ягиня косилась на своего нового жильца. Он сидел в тех же изодранных, пропитанных тюремной грязью и кровью портках и остатках рубахи. На его босых ногах засохла болотная жижа.

Она подошла к старому сундуку, стоявшему у стены, и, откинув тяжелую крышку, порылась внутри. Вытащила пару крепких, поношенных портов из грубого сукна, длинную холщовую рубаху и пару тяжелых кожаных сапог, которые когда-то принадлежали заплутавшему охотнику, чьи кости давно сгнили в Гнилом овраге.

Она бросила ворох одежды прямо в Кощея. Вещи шлепнулись ему на грудь и упали на пол.

— Надень. От тебя несет тюремной ямой так, что у меня травы сохнут, — бросила она, подходя к умывальнику. — Старое тряпье брось в печь.

Кощей опустил взгляд на одежду. Он не возмущился грубости. Он взял рубаху, посмотрел на нее так, словно видел эту вещь впервые в жизни, а затем начал переодеваться. Его движения были угловатыми, словно он заново вспоминал, как сгибаются суставы.

Когда он снял свои лохмотья, Ягиня, умывавшая лицо ледяной водой из деревянного ковша, невольно замерла.

Его тело было картой человеческой жестокости. Спина, грудь, плечи — всё было исполосовано старыми и совсем свежими шрамами от плетей, ножей и каленых прутьев. Стражники Светлояра явно пытались развлечься, стараясь вырвать из дикаря крик боли. Но самым пугающим было не количество ран. Самым пугающим было то, как они выглядели. Ни одна из свежих ран не гноилась. Они были сухими, бледными, стянутыми так плотно, словно их

зашили невидимыми нитками. Его плоть заживала с чудовищной, нечеловеческой скоростью, не оставляя воспалений.

Кощей натянул чистую рубаху, влез в порты. Сапоги оказались ему чуть великоваты, но он не обратил на это никакого внимания. Просто затянул ремешки на голенищах, встав с пола.

— Идем во двор, — скомандовала Ягиня, накидывая на плечи теплую шерстяную шаль. — Задарма я никого не кормлю. Раз уж ты не сдох и сил у тебя как у медведя, будешь работать.

Утро встретило их злым, колючим ноябрьским холодом. Земля во дворе, покрытая слоем белого инея, хрустела под ногами, как битое стекло. Из рта Ягини вырывались густые облачка пара. Она зябко куталась в шаль, чувствуя, как холод пробирается под кожу.

Кощей вышел следом за ней. Он стоял на промерзшей земле в одной легкой холщовой рубахе, но его плечи не были подняты, он не ежился от морозного ветра. Его тело просто не замечало перепада температуры.

Ягиня подвела его к тяжелой дубовой колоде, вокруг которой были свалены толстые сосновые чурбаки. В колоду был глубоко всажен ее старый, верный топор с массивной, выкованной местным кузнецом железной головой и толстым, отполированным до блеска топорщиком из мореного ясеня.

— Мне нужны дрова на зиму. Много дров, — Ягиня указала здоровой рукой на кучу нерубленых чурбаков. — Берешь полено, ставишь на колоду, бьешь топором пополам. Потом каждую половину еще раз пополам. Сложишь вон у той стены сарая. Понял?

Кощей посмотрел на чурбаки, затем на топор.

— Понял, — ровно ответил он.

Кощей подошел к колоде. Ягиня отошла на пару шагов, чтобы щепки не отлетели в лицо, и приготовилась смотреть. Ей было интересно, как быстро этот пустой сосуд устанет. Лесоруб — работа тяжелая, требующая не только силы, но и сноровки, дыхания, умения расслаблять спину.

Кощей не стал примериваться. Он левой, здоровой рукой выдернул тяжелый топор из колоды так легко, словно это была пушинка. Правой, на которой всё еще виднелись жуткие ожоги, он подхватил самый толстый сосновый чурбак и поставил его на колоду.

Он не встал в стойку. Он не размахнулся корпусом, как это делают обычные люди.

Его руки просто взмыли вверх, и топор обрушился вниз с такой устрашающей, размытой от скорости силой, что воздух свистнул.

Звук удара был похож на пушечный выстрел.

Чурбак не просто раскололся пополам. Он взорвался. Древесина с оглушительным треском разлетелась в пыль и острые щепки, осыпав двор веером деревянной шрапнели. Острый кусок коры больно хлестнул Ягиню по щеке, оставив красную царапину.

Но это было не всё.

Сила удара Кощей была настолько чудовищной и неконтролируемой, что лезвие топа, пробив чурбак насквозь, намертво, почти по самый обух вгрызлось в дубовую колоду. Кощей, не останавливаясь, попытался выдернуть топор обратно, чтобы нанести следующий удар, рванув рукоять на себя с тем же нечеловеческим усилием.

Толстое топорщице из мореного ясеня, служившее Ягине десять лет, жалобно хрустнуло и переломилось пополам, оставив в его руках лишь жалкий деревянный огрызок.

Кощей замер. Он посмотрел на обломок в своей руке. Затем перевел пустой, немигающий взгляд на Ягиню. Железная голова топора так и осталась торчать в расколоте колоде.

Во дворе повисла звенящая тишина.

Ягиня медленно вытерла кровь с поцарапанной щеки. Глаза лесной ведьмы потемнели, превратившись в два штормовых облака.

— Ты дурак или притворяешься? — прошипела она, медленно надвигаясь на него.

Она подошла вплотную. Разница в росте была ощутимой, Кощей возвышался над ней, но сейчас это не имело никакого значения. Она была в бешенстве. Без лишних слов Ягиня замахнулась здоровой рукой и отвесила ему звонкую, хлесткую пощечину. Звук удара разнесся над утренним болотом.

Голова Кощей от удара лишь слегка дернулась в сторону. На бледной коже моментально проступил красный отпечаток ее пальцев.

Он не разозлился. Не сжал кулаки. Не попытался ударить в ответ. Он медленно повернул голову обратно, глядя на нее всё с тем же холодным, изучающим недоумением.

— Палка была слабой, — сухо констатировал он, бросая деревянный огрызок в иней у ее ног.

— Палка была слабой?! — Ягиня сорвалась на крик, тыча пальцем в разрубленную колоду. — Это был мореный ясень, чтоб тебя Навь сожрала! Этим топором можно было медвежьей черепа крошить! А ты его сломал, как сухую соломинку!

— Дерево мешало железу, — так же ровно ответил Кощей. Он совершенно не понимал причины ее ярости. В его логике стояла задача — разрубить предмет. Предмет уничтожен. То, что при этом сломался инструмент, было лишь побочным фактом.

Ягиня тяжело задышала, пытаясь успокоиться. Гнев клокотал в горле, но, глядя в эту непроницаемую, пустую бездну его глаз, она начала осознавать масштаб проблемы.

Он действительно не понимал.

В его теле не было предохранителей. Когда обычный человек берет топор, его мышцы и связки посылают в мозг сигнал о тяжести предмета, о сопротивлении материала. Человек инстинктивно дозирует силу, чтобы не порвать себе жилы и не сломать инструмент. Кощей был лишен этой обратной связи. Для него не существовало разницы между усилием, нужным для того, чтобы раздавить ягоду, и усилием, чтобы сломать дубовое бревно. Его тело всегда, по умолчанию, выдавало абсолютный максимум своей смертоносной силы.

— Слушай меня, пустая твоя башка, — процедила Ягиня, схватив его за грудки холщовой рубахи и привлекая к себе. — В этом мире вещи ломаются. Дерево ломается. Глина бьется. Кости хрустят. Если ты будешь хватать всё подряд с такой дурью, ты не дров мне наколешь, ты мне избу по бревнам разнесешь!

Он молчал, глядя на ее побелевшие от злости костяшки пальцев, сжимающие его ворот.

— Иди в дом, — выплюнула она, отпуская его. — Пока я не нашла способ вытащить это железо из колоды, будешь заниматься тем, что сложнее испортить.

Кощей молча развернулся и ушел в избу.

Катастрофа продолжилась за завтраком.

Ягиня сварила густую кашу из перловки на мясном бульоне — ей нужно было восстанавливать кровь. Она налила варево в две глубокие глиняные плошки, достала деревянные ложки и поставила всё на стол.

— Ешь, — коротко приказала она, садясь напротив и морщась от боли в плече.

Кощей сел. Он не ел с тех пор, как она забрала его из ямы, но в его поведении не было жадности изголодавшегося. Он протянул свои длинные, бледные пальцы к глиняной плошке, чтобы подвинуть ее к себе.

Ягиня даже не успела крикнуть.

Как только его пальцы сомкнулись на краях толстой, обожженной в печи глины, раздался сухой, мерзкий хруст. Кощей, сам того не желая, просто сжал пальцы с чуть большим усилием, чем требовалось. Плошка взорвалась прямо в его руке. Горячая каша брызнула во все стороны, пачкая стол, заливая его рубаху и пол. Острые глиняные черепки впились в его ладонь, оставляя глубокие порезы.

Он замер. Рука так и осталась висеть в воздухе, сжимая пустоту и несколько окровавленных осколков. Каша капала с его пальцев.

Он медленно посмотрел на испорченную еду, затем перевел взгляд на Ягиню.

В избе повисла тишина, тяжелая и вязкая, как болотная жижа.

Ягиня медленно положила свою ложку на стол. Она закрыла глаза и потерла здоровой рукой переносицу. Бить его еще раз не имело смысла. Кричать — тоже. Это было всё равно что кричать на лавину, сошедшую с гор. Лавина не виновата, что она сметает деревни, такова ее природа.

— Земля хрупкая, — наконец произнес Кощей, нарушив молчание. Он вытащил из своей ладони острый осколок глины и положил его на стол, совершенно не заботясь о том, что из пореза течет кровь.

— Это не земля хрупкая. Это ты дурной, — устало сказала Ягиня. Она встала, обошла стол и остановилась рядом с ним.

— Дай руку, — приказала она.

Кощей протянул ей свою левую, здоровую руку.

Ягиня взяла ее. Контраст снова ударил по нервам: его кожа была ледяной, жесткой, похожей на выскобленный пергамент.

— Смотри на меня, Кощей, — ее голос стал тихим, властным, как в те моменты, когда она заговаривала кровь. — Ты не чувствуешь тяжести. Ты не чувствуешь сопротивления. Поэтому ты должен научиться чувствовать чужую грань.

Она приложила его холодные пальцы к своему здоровому правому предплечью.

— Сжимай. Медленно.

Кощей посмотрел на ее руку. Затем на ее лицо. И начал сжимать пальцы.

Его хватка была ровной, механической. Давление нарастало неумолимо. Кожа Ягини под его пальцами побелела, кровь отхлынула.

— Дави сильнее, — приказала она, не сводя с него глаз.

Он усилил нажим. Мышцы Ягини начало сводить судорогой. Его пальцы, казалось, вот-вот дойдут до самой кости и просто перекусят ее, как сухую ветку. Боль волной поднялась по руке. Ягиня стиснула зубы, но не отстранилась. Она должна была показать ему предел. Показать ему живую границу.

— Еще, — прохрипела она.

Его глаза — черные, пустые омуты — внимательно следили за ее лицом. Он видел, как расширились ее зрачки, как скривились губы. Он изучал изменения в ее теле, пытаясь связать свое физическое действие с ее реакцией.

Когда боль стала невыносимой, и кость под его пальцами издала тихий, едва уловимый скрип, Ягиня резко выдохнула:

— Стой!

Он мгновенно разжал пальцы. Никакой инерции. Абсолютный, моментальный контроль по звуковой команде.

На оливковой коже Ягини остались четыре глубокие, багровые вмятины, которые на глазах начали наливаться синевой синяков. Она потерла ушибленное место, морщась, но не отводя от него взгляда.

— Запомни это усилие, — жестко сказала она. — Запомни то давление, при котором я сказала «стой». Это — предел. Всё, что слабее этого — можно трогать. Всё, что сильнее — ломает вещи. И людей. Ты понял?

Кощей долго смотрел на синяки на ее руке. Затем он поднял свою ладонь, ту самую, которой только что раздавил глиняную плоску. Он медленно сжал и разжал пальцы в воздухе, словно калибруя какой-то внутренний механизм, заново прописывая в своей пустоте границы допустимого.

— Я запомнил границу, — ровно ответил он.

— Вот и славно, — выдохнула Ягиня, возвращаясь на свое место. — А теперь собирай кашу с пола. И пока не научишься держать посуду, не превращая ее в пыль, будешь есть из деревянного корыта, как свинья.

Дни потекли тяжелой, серой чередой. Зима неумолимо вгрызалась в Дремучий Лес, покрывая болота тонкой коркой льда и выстужая избу по ночам.

Суровый, лишенный всяких сантиментов быт стал для них полигоном для притирки. Ягиня была суровой хозяйкой. Она материлась, швыряла в него тряпки, когда он по незнанию наступал грязными сапогами на ее сушащиеся травы, и раздавала звонкие подзатыльники за малейшую оплошность.

Кощей принимал всё это с пугающим, непроницаемым спокойствием. Он не обижался. В нем не было гордыни, которую можно было бы уязвить. Подзатыльник для него был просто физическим сигналом «действие выполнено неверно», а ее крики — маркером ошибки.

И он учился.

Он учился с пугающей, нечеловеческой быстротой. После случая с плоской он больше не разбил ни одной вещи в доме. Он брал хрупкие глиняные чашки двумя пальцами, рассчитывая усилие до миллиметра. Когда Ягиня поручила ему толочь корень валерианы в каменной ступке, он делал это ровно с той силой, чтобы размозжить корень, но не расколоть сам камень.

Его обожженная рука заживала. И то, как это происходило, заставляло Ягиню лишний раз убеждаться в его хтонической природе. Обугленное мясо не гноилось и не отваливалось струпьями. Оно словно осыпалось черной пылью, обнажая под собой новую, совершенно бледную и гладкую кожу без единого шрама. Это была не регенерация живого существа. Это было восстановление формы. Словно глина, которую заново слепил невидимый гончар.

Единственное, к чему Ягиня не могла привыкнуть — это к перевязкам ее собственного плеча.

Каждое утро она садилась у стола, скидывая рубаху с левой стороны, и Кощей промывал ее затягивающуюся рану. Его прикосновения всегда были ледяными, точными и лишенными всякого стеснения. Он смотрел на ее обнаженную кожу, на белые пятна Велеса, устилающие ее грудь и спину, совершенно пустым взглядом. Для него это было просто полотно. Ни уродства, ни красоты. Только факты.

И Ягиня вдруг поймала себя на мысли, что ей... комфортно.

Впервые в жизни ей не нужно было кутаться в шаль до самого подбородка. Ей не нужно было ловить брезгливые или испуганные взгляды, какие бросали на нее люди в деревнях. Кощей было плевать на то, что она отмечена богами. Ему было плевать на то, что она ведьма. Он не врал ей, потому что не умел врать. Не пытался юлить, льстить или угрожать. Его прямолинейность была жестокой, сухой, но она была абсолютно честной.

В конце второй недели они вышли в лес за травами.

Ягине нужно было собрать последние в этом году стебли сабельника, пока мороз окончательно не убил их в болоте.

Они стояли на краю замерзающей топи. Лес всё так же затихал при появлении Кощей, но Ягиня уже привыкла к этой мертвой тишине. Она больше не казалась ей угрожающей. Скорее, это был купол изоляции, в котором существовали только они двое.

— Смотри, — Ягиня присела на корточки у воды, указывая на тонкий, красноватый стебель сабельника, торчащий из промерзшего мха. — Этот корень хрупкий, как стекло. Потянешь сильно — оторвешь вершок, а корень останется в земле. Потянешь слабо — не вытащишь. Нужно взять у самого основания и медленно, с раскачкой, тащить вверх. Попробуй.

Кощей опустил рядом с ней. Его колено ушло в ледяную воду, но он не обратил на это внимания.

Он протянул руку к растению. Его пальцы, теперь уже полностью здоровые, обхватили тонкий стебель. Он потянул.

Раздался тихий хруст. Стебель сломался ровно посередине, оставив корень глубоко во мху.

Кощей посмотрел на сломанный кусок в своей руке.

— Слишком быстро, — сухо сказал он.

— Ты дергаешь, Кощей. Земля не отдаст свое, если ты будешь пытаться вырвать это силой, — Ягиня вздохнула, поправляя шаль на плечах. — Попробуй еще. Рядом вон другой куст.

Он сместился. Взялся за следующий стебель. Его черные глаза сузились, словно он вычислял плотность мха и предел прочности растения. И только через пару мгновений всё-таки потянул, но на этот раз медленнее.

Стебель снова треснул, оставив корень в земле.

Ягиня уже приготовилась отпустить едкую шутку про медвежьи лапы, но промолчала, увидев его лицо. Он не злился. Он был полностью, тотально сосредоточен на задаче. Это был не человек, раздраженный неудачей. Это было существо, стремящееся выполнить задание.

Он перешел к третьему кусту.

Его пальцы легли на стебель у самой земли. Он не стал тянуть сразу. Он начал едва заметно, миллиметр за миллиметром, раскачивать растение из стороны в сторону, разрыхляя промерзший мох. Его движения были настолько плавными, что казались текучими. И только убедившись, что земля отпустила хватку, он плавно, с выверенным до грамма усилием, потянул вверх.

Длинный, узловатый красный корень с тихим чмоканьем вышел из болотной жижи, абсолютно целый.

Кощей поднял его на уровень глаз. Покрутил в длинных пальцах, осматривая результат.

— Целый, — констатировал он, протягивая корень Ягине.

Она взяла его, чувствуя ледяной холод, оставшийся на растении от его прикосновения.

— Хорошо, — коротко кивнула она. Похвала из ее уст звучала редко, но сейчас она была заслуженной. — Продолжай. Нам нужна полная сума.

Они работали молча еще около получаса. Кощей больше не сломал ни одного корня. Его способность к адаптации пугала и восхищала одновременно.

Когда сума наполнилась, они сели на поваленный, обросший лишайником ствол сосны, чтобы перевести дух. Вернее, перевести дух нужно было Ягине. Кощей не знал усталости.

Он сидел рядом с ней, глядя на пучок собранного сабельника в ее руках.

— Зачем тебе эта трава? — вдруг спросил он. Это был один из тех редких моментов, когда он начинал разговор сам.

— Чтобы лечить суставы, — ответила Ягиня, перебирая влажные корни. — Если сделать из них отвар и пить зиму, кости не будут ныть от холода. Люди часто приходят ко мне за ним.

Кощей долго смотрел на темную воду болота.

— Зачем лечить? — его голос был всё тем же ровным скрежетом. — Почему просто не заменить то, что сломалось?

Ягиня усмехнулась, качая головой.

— Людей нельзя заменить по кускам, пустая твоя голова, — ответила она с легкой, горькой иронией. — Плоть гниет. Кости стареют. Мы ломаемся, Кощей. В этом суть жизни. Мы живем, ломаемся, пытаемся починить себя травами и заговорами, а потом всё равно рассыпаемся в прах.

Он медленно повернул к ней голову. Его пустой взгляд скользнул по ее лицу.

— Я не ломаюсь, — сухо произнес он. — Моя плоть стягивается. Огонь не оставляет следов. Я не рассыпаюсь.

Это не было хвастовством. Это было непонимание. Он не вписывался в правило, которое она только что озвучила.

Ягиня посмотрела в эти черные, бездонные глаза, и у нее вдруг перехватило дыхание. Вся его чудовищная сила, всё его бессмертие, вся эта пугающая пустота... всё это делало его самым одиноким существом в Яви и Нави. Он не мог сломаться физически, но он был сломан с самого начала, фундаментально, на уровне идеи. В нем не было того, ради чего стоило бы жить.

— Всё ломается, Кощей, — тихо, почти шепотом ответила Ягиня, отводя взгляд. — Просто некоторые вещи ломаются так, что этого не видно снаружи.

Вечером, когда за окном завывала метель, бросая в слюдяные оконца пригоршни снега, они сидели у ярко пылающего очага.

Быт установился. Они существовали в странной, почти мистической гармонии. Ягиня перебирала сушеные травы за столом. Кощей сидел на полу, сосредоточенно и аккуратно, кончиками пальцев, распутывая узлы на старой рыболовной сети, которую Ягиня принесла с чердака. Работа требовала мелкой моторики, и он выполнял ее с механической безупречностью.

Вдруг он остановился. Отложил сеть в сторону.

Он поднял глаза и посмотрел на нее. На ее шею, где белые пятна Велеса четко выделялись на фоне темной кожи, освещенной огнем.

— Почему люди в городе прятали глаза, когда смотрели на тебя? — прямолинейно спросил он.

Ягиня замерла. Ее пальцы, перебиравшие пучок чабреца, дрогнули. Она привыкла к оскорблениям, привыкла к шепоту за спиной, но такой прямой вопрос без капли издевки застал ее врасплох.

— Потому что я не такая, как они, — ее голос стал жестким, защитным. Она инстинктивно потянулась к вороту рубахи, чтобы прикрыть пятна, но остановила себя. Ему было плевать. — Эти белые пятна на моей коже... люди считают, что это метка темных богов. Проклятие. Гниль. Они думают, что если прикоснутся ко мне, то заразятся моей инаковостью. Они боятся того, чего не понимают.

Кощей долго смотрел на ее шею. В его взгляде не было ни жалости, ни отвращения. Это был взгляд оценщика.

— Инаковость не опасна, — наконец произнес он, возвращаясь к сети. — Волки опасны. Они рвут плоть. Огонь опасен. Он уничтожает ткани. Твоя кожа не разрушает. Ты не опасна. Люди ошибаются.

Ягиня замерла, не веря своим ушам.

Он сказал это так просто. С такой железобетонной уверенностью, в которой не было места эмоциям, что Ягине на секунду захотелось расплакаться. За всю ее жизнь ни один человек не находил таких слов. Люди пытались жалеть ее, пытались отгородиться, волхвы пытались лечить ее. А этот пустой, безмянный голем просто констатировал факт: в ней нет ничего опасного. Она нормальная. Просто люди плохо умеют считать.

Она опустила глаза на свои руки, чувствуя, как внутри разливается странное, щемящее тепло. Оно не имело ничего общего с романтикой из рыцарских баллад. Это было тепло абсолютного, безжалостного принятия.

Кощей был чудовищем. Оружием. Аномалией, от которой отворачивался сам Дремучий Лес. Но именно рядом с ним, в этой мертвой тишине, Ягиня впервые за всю свою жизнь почувствовала себя... на своем месте.

Она встала из-за стола, сгребая остатки трав в мешок.

— Завтра утром выходим, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал привычно сухо. — Нам нужно к Границе, к скрытому торговому тракту.

Кощей поднял голову.

— Зачем?

— Затем, Кощей, что ты разбил мне три глиняных горшка и сломал мой лучший топор, — Ягиня хмыкнула, пряча улыбку. — А запасы сами себя не пополнят. Будем менять травы

на железо. Пойдешь со мной. Будешь нести вещи. И если ты там начнешь крушить всё подряд, я скормлю тебя русалкам.

Он не ответил. Просто кивнул, принимая новую задачу.

Ягиня задула лучину на столе. В избе остался только свет тлеющих углей. Она легла на свою лежанку, слушая ровное, редкое дыхание Кощея с пола.

Она еще не знала, что этот поход к Границе навсегда изменит их странный, хрупкий мир. Но это будет завтра. А сегодня она засыпала спокойно, зная, что чудовище на полу охраняет ее сон.

Глава 5. Живая мишень

Ноябрь выстудил Дремучий Лес до самого костяка. Листва давно сгнила, превратившись в скользкую черную кашу под ногами, а голые ветви деревьев, покрытые толстым слоем сизого инея, царапали низкое, свинцовое небо. В такое время жизнь в лесу замирает, прячется по глубоким норам и теплым берлогам, оставляя на поверхности лишь тех, кого гонит голод или отчаяние.

Ягиня шла по едва приметной звериной тропе, плотнее запахивая на груди подбитый волчьим мехом плащ. Левое плечо, туго стянутое чистыми бинтами под слоями шерсти, отзывалось глухой, тянущей болью на каждый шаг, но это была терпимая боль. Живая. Рана затягивалась.

Она остановилась, чтобы перевести дух, и оперлась здоровой рукой о ствол старой березы. Дыхание вырывалось изо рта густыми белыми облаками.

Кощей остановился в тот же миг. Не позади нее, как шел в первые дни, а в полушаге сбоку. На нем был длинный, поношенный тулуп, который Ягиня выменяла когда-то у заезжего купца, и тяжелые сапоги. За его спиной мерно покачивался набитый доверху кожаный мешок. Там лежали тугие связки редких болотных трав, сушеные корни, яд степных гадюк в глиняных пузырьках — всё то, за что на скрытом торговом тракте можно было выторговать железные котлы, ножи, соль и крепкое сукно взамен тех вещей, что он разломал в щепки в первые дни своей жизни в избе.

Ягиня скосила на него глаза.

Он не дышал паром. Воздух, выходящий из его легких, был таким же стылым, как и ноябрьский ветер. Он стоял неподвижно, но в этой неподвижности больше не было той пугающей, механической покорности сломанной игрушки. Это была застывшая вода глубокого омута. Его черные глаза, лишенные бликов, медленно скользили по серым стволам, причесывали густой подлесок, вглядывались в тени.

Он больше не был пленником, бредущим на веревке. За эти несколько недель сурового, молчаливого быта он инстинктивно занял место рядом с ней. Он не понимал, что такое привязанность, но он четко усвоил одно: эта женщина с белыми пятнами на коже — единственное, что дает ему ощущение реальности. Единственное тепло в его мертвой зиме. И теперь он охранял этот источник тепла с пугающей, первобытной сосредоточенностью хтонической твари.

— Не отставай, — бросила Ягиня, отрываясь от березы. — До тракта еще две версты через бурелом. Если солнце сядет до того, как мы выйдем к стоянке торгашей, придется ночевать в снегу.

Кощей не ответил. Он просто шагнул следом, и его тяжелые сапоги снова не издали ни звука, коснувшись промерзшей земли.

Скрытый тракт не был дорогой в привычном понимании. Это была широкая, разъезженная телегами просека на самой границе между владениями князя Радомира и дикими землями Чернолесья. Здесь, вдали от княжеских застав и сборщиков податей, встречались те, кому не с руки было показывать свои лица на городских рынках. Контрабандисты, наемники, дезертиры и травники вроде Ягини. Место опасное, пахнущее дешевым пойлом, немывтыми телами и жадностью, но здесь действовал негласный закон: на торгу не убивать.

Но, чем ближе они подходили к условленному месту у старого, расщепленного надвое дуба, тем сильнее Ягиню охватывало липкое, сосущее чувство тревоги.

Лес вокруг них молчал. Это не было то мертвенное оцепенение, которое вызывало присутствие Кощей — к нему-то деревья уже начали понемногу привыкать, смирившись с неизбежным злом. Это была тишина затаившей дыхание жертвы.

Ягиня остановилась. Она приподняла подбородок, втягивая носом колючий воздух. Запах прелой хвои, запах надвигающегося снегопада... и еще кое-что. Едва уловимый, кислый душок пота, прогорклого жира, которым смазывают тетиву, и лошадиного навоза. Но не старого. Свежего.

Она перевела взгляд на просеку, проглядывающую сквозь голые кусты орешника.

Обычно в это время там уже горели костры, слышалась ругань на разных наречиях, ржали лошади. Сейчас там была только серая, пустая колея, припорошенная первым снегом. Ни телег. Ни костров. Ни людей.

— Будь наготове, — одними губами выдохнула Ягиня, медленно опуская руку к поясу, где висел ее тяжелый, остро заточенный серп. — Торговцев нет.

Кощей замер. Он не стал озираться или суетливо вертеть головой. Его подбородок чуть опустился, а тело неуловимо подобралось, словно сжатая до предела пружина. Он слушал. Не ушами — он слушал мир кожей, улавливая малейшие вибрации земли, малейшее изменение в потоках воздуха.

«Чернолесье», — с холодящей ясностью поняла Ягиня.

Князь Вратко давно точил зубы на Светлояр. Радомир слабел, его дружина была измотана, а наследник едва не умер от порчи. Разведчики Вратко всё чаще пересекали границу, вырезая дозоры, щупая оборону, запугивая приграничные деревни. Они не стали бы трогать обычных контрабандистов, но если они узнали, что сюда придет лесная ведьма, которая спасла сына Радомира от их темной волжбы... для них она была не знахаркой. Она была стратегической целью. Союзницей врага, которую нужно было устранить.

Засада.

Они ждали ее. Ждали, когда она выйдет на открытое место.

— Назад, — хрипло скомандовала Ягиня, делая медленный, плавный шаг назад, под защиту толстого ствола вяза. — Уходим в топь. Там они нас не...

Она не успела договорить.

Воздух разорвал сухой, резкий звук — звук лопнувшей струны. Это пела туго натянутая тетива тяжелого боевого лука. Звук пришел справа, из густых зарослей можжевельника, росших на небольшом возвышении.

Ягиня, чьи инстинкты были отточены годами жизни в лесу, попыталась броситься на землю. Но ее тело, ослабленное потерей крови и магическим истощением, не успело за мыслью. Она только начала поворачивать голову, когда краем глаза уловила стремительное, размытое движение.

Стрела, выпущенная из засады, была оперена черным соколиным пером. Широкий, зазубренный наконечник, вымазанный в болотной гнили, летел прямо ей в лицо, метя в переносицу. Смерть неслась к ней со скоростью, оставляющей человеку лишь время на последний, судорожный вздох.

Но этот вздох она так и не сделала.

Слева от нее метнулась тень.

Кощей не закричал. Не попытался оттолкнуть ее в сторону, как сделал бы человек, спасающий товарища. Его реакция была за гранью человеческого понимания — древний инстинкт существа, чья природа противилась любому нарушению его границ.

Его рука, сбросившая тяжелый мешок на землю, взметнулась вверх с такой ослепительной скоростью, что воздух хлестнул Ягиню по лицу тугой волной.

Глухой, влажный звук удара.

Ягиня зажмурилась, ожидая почувствовать, как железо пробивает ей кость.

Тишина.

Она медленно, с колотящимся в горле сердцем, распахнула глаза.

Кощей стоял вплотную к ней. Его левая рука была вытянута вперед, пальцы намертво сжаты в кулак. А в дюйме от ее левого глаза, прямо перед ее лицом, мелко дрожало черное оперение стрелы.

Он поймал ее в полете. Зажал древко в кулаке с такой нечеловеческой силой, что толстое ясеневое древко жалобно затрещало, грозясь переломиться пополам. Зазубренный железный наконечник торчал из его сжатой ладони — он просто принял удар на себя, пропустив железо сквозь свою плоть, чтобы остановить полет, даже не обратив внимания на разорванную кожу. Из его кулака не капала кровь — рана уже стягивалась вокруг металла ледяными тисками.

Его черные, как свежерытая могила, глаза медленно оторвались от стрелы и посмотрели в заросли можжевельника. Туда, откуда пришла угроза.

В этом взгляде не было гнева. Не было ярости уязвленного воина. Там открылась сама Бездна. Холодная, безжалостная, лишенная малейшего проблеска милосердия. Он посмотрел на кусты так, как лавина смотрит на жалкую человеческую хижину перед тем, как стереть ее в пыль.

— Стой здесь, — произнес он.

Голос звучал так сухо, что казалось, у него в горле крошатся камни.

Он разжал кулак. Стрела с хлюпаньем выпала из его пробитой ладони на снег.

И он сорвался с места.

Это не было бегом. Это был бросок голодной тени. Кощей преодолел двадцать шагов до возвышенности за какую-то долю секунды, не издав ни единого звука. Он не доставал оружия — у него его просто не было.

Ягиня, тяжело привалившись к стволу вяза, вытщила серп, но ее рука дрожала. Она не могла оторвать глаз от того, что происходило в зарослях.

Кусты можжевельника вздрогнули, словно в них ударила молния.

Из засады раздался короткий, удивленный вскрик, который тут же оборвался мерзким, влажным хрустом. Человек в чернолесьей броне, скрывавшийся за ветвями с луком в руках, даже не успел потянуться за мечом. Кощей не стал бить его кулаками. Он просто шагнул к нему, уходя от инстинктивного удара луком, его руки метнулись к шее врага, и он крутанул голову разведчика с такой небрежной, сокрушительной силой, что шейные позвонки лопнули, как гнилые орехи.

Труп еще падал на землю, а Кощей уже вырвал из его ножен короткий, широкий боевой нож.

Их было пятеро. Опытные, закаленные в крови разведчики Вратко, привыкшие резать спящих и убивать из-за угла. Они поняли, что засада сорвалась, и бросились на высокую, бледную фигуру, внезапно оказавшуюся среди них. Зазвенели вытаскиваемые из ножен мечи.

— Вали его! — заорал один из них, здоровенный мужик с изуродованным шрамом лицом.

Он ударил Кощея мечом сверху вниз, метя в ключицу. Удар, который разрубил бы обычного человека до грудины.

Кощей не стал блокировать. Он даже не попытался уклониться полностью. Он просто чуть сместил корпус. Тяжелое стальное лезвие со скрежетом скользнуло по его плечу, разрезая тулуп и плоть, звякнув о кость.

Разведчик победно оскалился, уверенный, что нанес смертельную рану.

Но Кощей не упал. Он не издал ни звука боли. Его лицо оставалось маской мертвого равнодушия. Пока лезвие врага еще находилось в его плече, он сделал полшага вперед, входя вплотную к разведчику, и коротким, жестким движением вогнал трофейный нож прямо ему под челюсть, пробивая небо и входя в мозг.

Мужик захрипел, его глаза закатились, и он обмяк. Кощей выдернул нож, одновременно выхватывая из слабеющих пальцев мертвеца его тяжелый меч.

Оставшиеся трое попятились. В их глазах, только что горевших жадой убийства, зажегся животный, первобытный ужас. Они поняли, что перед ними не человек. Люди кричат, когда им рубят плечи. Люди истекают горячей кровью. А этот высокий, бледный монстр с мертвыми глазами даже не замечал своих ран.

— Демон... — прошептал один из них, пятясь и выставляя перед собой меч. — Это Навь... Кощей не дал им времени на молитвы.

Он не сражался по правилам воинского искусства. Ему не нужны были стойки, финты или блокировки. Его тело работало по иной логике — логике абсолютной эффективности и нулевого самосохранения.

Он рванулся к третьему разведчику, игнорируя выпад. Клинок врага пропорол ему бок, но Кощей, словно не заметив куска стали в своих ребрах, схватил нападавшего голой левой рукой за лицо. Его длинные пальцы впились в глаза и щеки человека с такой силой, что тот дико завизжал, роняя оружие. Кощей просто швырнул его, бьющегося в агонии, прямо на четвертого разведчика, сбивая того с ног.

Пятый, самый молодой, не выдержал. Он бросил меч и с воплем побежал сквозь кусты прочь, в сторону топи, надеясь спастись.

Кощей медленно, не торопясь, поднял с земли тяжелый меч, выпавший у здоровяка. Он взвесил его в руке, словно примериваясь к незнакомому балансу, а затем, не оборачиваясь, метнул его вслед беглецу.

Огромное лезвие со свистом рассекло морозный воздух и с глухим, страшным звуком вошло точно между лопаток убегающего юноши, пригвоздив его к стволу сосны. Тот дернулся пару раз и затих.

Оставались двое на земле. Тот, кому Кощей раздавил лицо, скулил, пытаясь отползти. Четвертый, сбитый с ног, судорожно пытался нащупать в снегу свое оружие.

Кощей подошел к ним. Его движения были плавными, почти ленивыми, как у сытого зверя, который знает, что добыча никуда не денется. Он не произнес ни слова. Никаких издевательств, никаких речей победителя. Ему не нужно было упиваться их страхом. Для него они были просто сломанными вещами, которые нужно было выкинуть.

Он опустился на одно колено рядом с тем, кто искал меч, и просто, буднично свернул ему шею. Последнего, ослепшего и воющего от боли, он заставил замолчать одним точным ударом трофейного ножа в основание черепа.

В лесу снова повисла тишина.

Ягиня стояла у вяза, не в силах пошевелиться. Ее пальцы так крепко сжимали рукоять серпа, что побелели костяшки. Она тяжело, прерывисто дышала, глядя на то, что осталось от отряда разведчиков.

Пять профессиональных убийц. Пять вооруженных до зубов людей, которых Вратко послал убить ее. Они были мертвы. И всё это заняло не больше минуты.

Она видела насилие. Дремучий Лес не прощает слабости, и ей самой не раз приходилось пускать в ход серп, чтобы защитить свою жизнь от лихих людей или дикого зверья. Но то, что она увидела сейчас, вызывало не просто страх. Это вызывало липкий ужас перед противоестественностью происходящего.

Кощей убивал не ради выживания. Не в состоянии аффекта или боевой ярости. Он вырезал их с монотонностью крестьянина, вырубая сорняки на грядке. Холодно. Методично. Без эмоций.

Кусты раздвинулись. Кощей медленно вышел на тропу.

Он был страшен. Его тулуп был разрублен на плече, обнажая бледную кожу, на которой не было ни капли крови — рана уже затянулась, оставив лишь тонкую, бледную полосу. На его лице, руках и одежде обильно краснела чужая кровь, ярко контрастируя с его мертвенной бледностью.

Он остановился в нескольких шагах от Ягини. Посмотрел на свои окровавленные руки. В его взгляде не было ни отвращения, ни опьянения битвой. Только легкая, равнодушная озадаченность. Он поднял ладонь, стер с нее густую красную каплю большим пальцем и растер ее, изучая вязкость чужой жизни.

Затем он поднял свои бездонные глаза на нее.

— Цель устранена, — произнес он своим тихим, скрежещущим голосом. В нем не было ни капли торжества. Он просто докладывал о выполненной задаче.

Ягиня смотрела в эти черные провалы глаз, и осознание падало на нее тяжелыми, ледяными камнями.

Она думала, что сможет приручить его. Думала, что сможет научить его контролировать свою силу, колоть дрова, не разбивать посуду и носить ей травы. Она тешила себя иллюзией, что это пустое существо может найти приют в ее лесном одиночестве.

Какая же она была дура.

Ее лес был слишком мал для такого. Дремучий Лес — это баланс. Это пищевая цепь, где каждый имеет свое место. А Кощей не вписывался в баланс. Он был силой, способной перекрыть этот баланс, сломать его об колено.

Она посмотрела на трупы разведчиков Вратко. Если Чернолесье начало охоту на границе, скоро здесь будут не пятеро, а полсотни. Они придут с факелами, они сожгут ее избу, они выжгут топи.

И тогда Кощей пойдет убивать.

Он не остановится. Он вырежет их всех, потому что для него нет разницы между одним врагом и сотней. А когда Чернолесье поймет, *что* именно прячется в Глухих топях, сюда стянутся уже армии. Война, которая тлела на границах десятилетиями, вспыхнет с такой силой, что от Светлояра останутся лишь угли. Волхвы, князья, жрецы — все они придут за ним. Кто-то — чтобы уничтожить аномалию, кто-то — чтобы подчинить себе это идеальное, безотказное оружие.

Ягиня сглотнула пересохшим горлом.

Ее взгляд скользнул по его высокому, окровавленному силуэту. Он спас ей жизнь. Снова. Он пропустил стрелу сквозь свою руку, чтобы она не пробила ей голову. И внутри нее, где-то очень глубоко, под слоем рационального страха, пульсировала темная, дикая благодарность. Привязанность к тому единственному существу, которое стояло между ней и смертью, не прося ничего взамен.

Но она была лесной ведьмой. Ее учили мыслить холодно.

Если она оставит его здесь, в лесу, они оба обречены. Лес не выдержит его присутствия, а люди не оставят их в покое.

Такому острому оружию не место в болотной избе. Оружие должно лежать в княжеской оружейной. Там, где его разрушительный потенциал будет направлен против чужих армий, а не против мироздания.

Князь Радомир обязан ей жизнью сына. И Радомиру до смерти нужен был козырь в надвигающейся войне с Вратко. Козырь, который заставит Чернолесье захлебнуться собственной кровью.

Кощей всё еще смотрел на нее, ожидая приказа. Для него мир сузился до ее голоса.

Ягиня медленно убрала серп обратно в ножны. Ее руки перестали дрожать. Решение было принято. Оно было прагматичным, жестоки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.